«Книга Марии Дэваны Хэдли — настоящая бомба, рожденная ее острым умом и горячим сердцем. Не роман, а мечта».

НИЛ ГЕЙМАН

ХИЩНАЯ ПТИЦА

МАРИЯ ДЭВАНА ХЭДЛИ

Продолжение романа «Магония», бестселлера #1 The New York Times

#YoungFantasy

Мария Дахвана Хэдли

Хищная птица

«АСТ»
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хэдли М.

Хищная птица / М. Хэдли — «АСТ», 2016 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-105827-2

Аза Рэй возвращается на землю. Ее друг Джейсон и семья вне себя от радости. Теперь Аза может вести нормальную жизнь – насколько ее жизнь вообще может быть нормальной после того, как она целый год считалась погибшей, а сама в это время плавала на небесных кораблях и спасала мир. Азе нравится жить на земле, она любит родных и Джейсона, но забыть о том, что с ней произошло в небесах, у нее не получается…

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105827-2

© Хэдли М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 13
ГЛАВА 3 18
ГЛАВА 4 22
ГЛАВА 5 26
ГЛАВА 6 29
ГЛАВА 7 34
ГЛАВА 8 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Мария Дэвана Хэдли
Хищная птица

MARIA DAHVANA HEADLEY
AERIE
Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg
Copyright © 2016 by Maria Dahvana Headley
© С. Арестова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

Мария Дэвана Хэдли вместе с Нилом Гейманом принимала участие в составлении антологии «Фантастические создания», сборника о сверхъестественных существах, имевшего огромный успех. Написанные Хэдли книги также завоевали любовь миллионов читателей и принесли автору несколько литературных премий. Роман «Магония» стал бестселлером The New York Times и был назван одной из лучших книг 2015 года еженедельником Publishers Weekly.

«Книга Марии Дэваны Хэдли – настоящая бомба, рожденная ее острым умом и горячим сердцем Не роман, а мечта».
Нил Гейман

Продолжение романа «Магония», бестселлера #1 The New York Times

***

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖАСПЕРУ, РОУЭНУ И ХЭЙЗЕЛ ЭНН,
КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ДОРОСЛИ ДО ЭТОЙ КНИГИ,
НО УЖЕ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ ПРИРОЖДЕННЫМИ
ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЯМИ
{{{{ &! &! &! }}}}

ПРОЛОГ

Я слушаю пение. Поет все и везде. Мир в стенах моего дома и мир за его пределами. Птицы, и ветер, и деревья. Электричество, и вода в трубах, и лестничные ступени под тяжестью шагов. За окном трещит лед, в кухне пляшет по разделочной доске нож. Весь мир – несмолкающий голос. Я не беззвучна, даже когда молчу. Я слышу, как стучит мое сердце, а еще как растет пропасть между мною и всеми остальными, потому что никто и нигде не умеет петь, как я. Похоже, я одна с таким голосом. С такой песней.

Я слушаю пение и размышляю. Доведется ли мне когда-нибудь услышать голос, равный по силе моему? Найти певца, который сумеет взять ноты, покорившиеся мне одной?

Но если и есть в мире вторая такая душа, я ее не слышу. Мой голос подобен музыкальному инструменту, который был создан для игры в оркестре, а вместо этого в одиночку исполняет репертуар из ненаписанных песен. Должно быть, так чувствует себя изобретатель, еще не поделившийся своим творением с публикой.

Здорово, наверное, хотя…

Должно быть, так чувствует себя последний представитель вымирающего вида птиц.

Я слушаю.

Слушаю.

Слушаю.

ГЛАВА 1
{АЗА}

Добрый вечер и добро пожаловать в резиденцию Бойлов! Время одиннадцать тридцать, и до семнадцатого дня рождения старшей из дочерей этого семейства осталось всего полчаса, а вышеупомянутая дочь тем временем тенью крадется к задней двери.

Вот бы стать *невидимкой* и/или *телепортироваться* прямиком в пункт назначения, но, увы, на такой случай песни не предусмотрено.

Выход один: велосипед + дождь, слякоть, снег. Типичная погода для той ночи, когда я решила совершить вылазку на природу.

На мне миллион слоев одежды. Пижамные штаны заправлены в меховые сапоги (в результате чего я смахиваю на крохотного и очень странного дровосека), а поверх всего этого – плащ-дождевик. Если бы кто-нибудь взялся снимать экранизацию «Приключений Азы Рэй», там я, возможно, была бы одета иначе. Кто знает, может, киношная Аза носила бы платья?

Впрочем, розовый цвет мне совсем не к лицу, а юбкам с оборками я предпочитаю комбинезоны. С другой стороны, день рождения – прекрасный повод пересмотреть свои принципы, что я и делаю каждый год. «Нужно ли мне меняться?» «Стоит ли попробовать?» «Не пора ли Азе стать белой и пушистой?»

Изначально я задавалась подобными вопросами, чтобы отвлечься от мыслей о смерти и перестать считать отведенные мне деньки, а теперь… теперь они сами лезут в голову.

Короче говоря, я не сторонница пышных нарядов, даже по торжественным случаям. У меня с самого рождения все не как у людей – пусть же так будет и дальше. На три четверти пиратка, на четверть инопланетянка.

Под многочисленными слоями тряпок, которые я на себя напялила, находится еще один слой, неотъемлемый и самый важный из всех. Одеждой его назвать нельзя, хотя в чем-то он очень на нее похож.

Это я о человеческой оболочке с воздушного корабля. О той, которая покрывает мое магонское тело.

Да-да, вы не ослышались. Магонское.

Звучит как название неземной цивилизации? Мои поздравления, дорогие участники шоу! Вы выиграли чистопробного пришельца. А может, и грязнопробного. Почему это полезное словечко до сих пор никто не использует?

В этой своей оболочке я ни капли не похожа на себя настоящую. Со своим привычным обличьем я рассталась еще год назад, когда выяснилось, что и оно мне не родное. В новой же оболочке я стала совсем другим человеком.

Образно выражаясь, конечно, ведь на самом деле никакой я не человек.

Аза Рэй Бойл погибла год назад, и все же она, то есть я, до сих пор жива.

Азу Рэй Куэл знают только в Магонии, на моей родине, расположенной высоко в облаках. Там творят погоду, и там поют свои песни шквальные киты.

На земле же я обитаю под маской Бесс Марчон.

Как меня сюда занесло? Семья. Судьба. Все Мыслимые Причины На Свете да еще Парочка Совершенно Немыслимых.

Мое прежнее тело, как и это, было фальшивкой, камуфляжем и предназначалось кому-то другому.

И все же на протяжении целых шестнадцати лет оно было моим.

Я начала умирать с тех самых пор, как меня доставили на землю. Кашляла, задыхалась, тонула в воздухе, вечно была на волосок от гибели. Незавидное положение. Однако, смотрясь в зеркало, я хотя бы знала, кого в нем вижу.

Я скучаю по тем временам, когда была Азой Рэй Бойл.

Но ее оболочка разрушена, и, если я хочу остаться на земле, придется довольствоваться ролью Бесс.

На самом деле не так уж и важно, какая на мне оболочка: душа у меня одна. К тому же такие вещи, как внешний вид, никогда меня особенно не волновали. Мне вот-вот стукнет семнадцать, и, уверяю вас, вы не найдете королеву выпускного бала под этим дождевиком. А если бы она все-таки там оказалась?

Тут же вытолкала бы ее взашей.

Как бы я ни выглядела, родилась я магонкой.

Но, покидая Магонию, я и не подозревала, чем для меня обернется разлука с небом.

В немецком языке (ну разумеется, а в каком же еще) есть специальное слово для описания чувства, которое гложет запертых в клетку перелетных птиц, когда наступает пора миграции. Взвинченная непоседливость, паническое беспокойство из-за осознания того, что ты сейчас должен лететь. *Zugunruhe*. Так вот, я в *полной* zugunruhe. Постоянно. Чувствую себя птицей, которая бьется крыльями о крышку клетки в отчаянной попытке прорваться к солнцу. Год назад я отмечала день рождения совсем иначе. В небе дугой раскинулось северное сияние, зажглись звезды-прожектора, и передо мной во всем своем великолепии раскинулась целая вселенная. Год назад я отмечала день рождения в Магонии. Я была избранной. Дочерью капитана.

Теперь же я фальшивая ученица по обмену, которой нечем больше заняться, как только по ночам удирать из собственного дома.

Обычная ночь из обычной жизни, в которой день рождения я могу праздновать разве что втайне, потому как теперь я Бесс Марчон, а не Аза Рэй Бойл.

В холле моей школы прямо на входе висит фотография той девушки, которой я когда-то была, а под ней табличка с датой рождения и смерти.

МОЕЙ смерти.

Нет ничего более воодушевляющего, чем проходить мимо этой таблички каждое утро. История моей жизни звучит до того дико, что сама бы не поверила, не будь ее так легко подтвердить.

Таков уж мой удел. ЕЕ удел.

Что ни утро глядит на меня из зеркала, а потом – с фотографии в школе. Сегодня у меня день рождения, так на табличке написано.

Но *меня* больше нет.

Сегодня день моей смерти.

Вот только я на тысячу процентов жива.

Год назад я очнулась на парящем в облаках корабле и узнала, что принадлежу к народу, который живет в небе высоко над землей.

Год назад я обнаружила у себя в грудной клетке самую что ни на есть настоящую дверцу, которая ведет в специальную полость, предназначенную для моего канура, Милекта, и для песни отведенного мне в партнеры магонца Дая.

Оба меня предали.

Год назад я поняла, что моя биологическая мать, Заль, хочет использовать силу моей магонской песни, чтобы превратить сушу в воду и устроить всемирный потоп. Все во имя магонцев, умерших с голоду по вине ничего не подозревающих землян.

Все во имя мести.

И я чуть не исполнила ее заветное желание: чуть не растопила ледники Западного Шпицбергена, чуть не подняла уровень Мирового океана до критической отметки, чуть не спровоцировала экологическую катастрофу. Но вовремя остановилась.

Год назад Джейсон не дал мне стать чудовищем, которое из меня хотела сделать мать. Год назад Заль и моего магонского *суженого* забрали в столицу и бросили в тюрьму.

Просто не верится, что прошел целый год.

Кажется, эти события случились не далее как вчера. Но нет: с того момента, как я очутилась в Магонии, прошло почти триста шестьдесят пять дней.

Теперь я уже не тот человек, каким была год назад. И в прямом смысле, и в переносном.

Все, что я знала о *нашей планете* и о *жизни в целом*, мне пришлось переосмыслить.

Вышеперечисленное неточной стенограммой выгравировано на табличке под фотографией Азы Рэй Бойл, расположенной в школьном холле. Чтобы не видеть этого безобразия, я всегда крепко зажмуриваюсь и прохожу этот участок на ощупь.

Я проскальзываю в темную кухню.

Зажигается свет. Ну вот, застукали!

Сквозь прищуренные веки мне удается разглядеть Илай, мою младшую сестру. Стоит в теплых гетрах у шкафчиков с посудой и пьет зеленый смузи, хотя на часах без малого двенадцать ночи. Смерив меня взглядом, она изгибает бровь, как будто хочет сказать: «Даже не мечтай, Аза Рэй, мимо караульного тебе не пройти». Иногда мне кажется, что иметь такую сестру, как Илай, – это все равно что жить в крепости, обнесенной глубоким рвом. Пока она дома, о тайных похождениях можно забыть. У меня ушли годы на то, чтобы осознать, что сестра у меня всевидящая и вездесущая.

И это очень даже круто, за исключением тех моментов, когда тебе позарез нужно улизнуть из дома.

– Боишься в полночь превратиться в тыкву? – спрашивает Илай. – Ты поэтому решила слинять до наступления дня рождения? Или это просто странное стечение обстоятельств?

– Мне скорее грозит снова стать Золушкой, – отвечаю я. – Тыква – это не про меня.

– Золушка мечтала выйти замуж за принца и ходить на высоких хрустальных каблуках. Когда ты в последний раз открывала эту сказку? Никакая ты не Золушка. Если только не существует альтернативной версии сюжета с прошаренной Золушкой, которая носит…

Она опускает взгляд на сапоги-снегоступы с меховой отделкой, доходящие мне до самых колен. На блошином рынке прикупила. Комментариев не требуется.

– …что ты там на себя напялила, а к принцу и на пушечный выстрел не подойдет.

– Ладно, – говорю. – Допустим, я спешу на рандеву. С прекрасным незнакомцем.

– Фу-у, – протягивает она. – *Рандеву*! Шутишь, да?

– Нет, я это на полном серьезе, – ухмыляюсь я.

– Если бы *я* собралась на ночную вылазку, меня бы никто не застукал, – говорит она.

– Потому что ты самый скрытный человек на свете.

– Правду говоришь. – Сестра награждает меня улыбкой, явственно свидетельствующей о том, что про ее похождения мне известно далеко не все. Случись ей когда-нибудь уйти в загул, мы, наверное, ничего и не заподозрим. Никаких следов эмоций на лице. Только следы зеленого смузи в уголках губ.

За спиной у Илай стоит террариум. На этих выходных у нас гостят мышки из маминой лаборатории, потому что ее ассистент взял отгул. Их любимое занятие – наматывать круги по террариуму, периодически ныряя в воду, где они по целому часу могут плавать, задерживая дыхание. Поначалу от этого зрелища мне становилось не по себе (казалось, что мышата бросаются в воду, чтобы утопиться), но теперь я от них просто балдею. Мои маленькие морские обезьянки!

Сейчас мамины эксперименты продвигаются куда лучше, чем раньше. Раньше мыши дохли как мухи, а теперь вот живут себе припеваючи.

Это все благодаря маминому упорству, благодаря тому, что она решила бороться за жизнь дочери, несмотря на утверждения врачей, что та не протянет и нескольких месяцев.

В младенчестве я совсем не могла дышать, и мама – а она у нас ученый – начала искать способы сделать эту потребность не такой насущной.

Наблюдая, как один особенно ловкий грызун плавает брассом, я гадаю, понадобится ли мне еще когда-нибудь препарат, который разрабатывает мама. Не исключено. Оболочки изнашиваются, а сыворотке, которая течет в жилах этих мышей, я обязана жизнью.

Неудивительно, что мамины «подопечные» стали мне как родные.

Илай придвигает ко мне прямоугольный сверток.

– Раз уж ты не намерена задерживаться тут позже полуночи, я поздравлю тебя прямо сейчас, – говорит она. И, откашлявшись, добавляет: – Сразу за два года.

Некоторое время мы с сестрой смотрим друг на друга через стол, а по щекам у нас катятся слезы. Но распускать нюни – это не в нашем стиле, поэтому уже через пять секунд мы берем себя в руки.

Разделавшись с оберточной бумагой, я открываю коробку и достаю оттуда сложенную в несколько раз кожаную вещицу с мехом и… молниями?

И вот я снова всхлипываю: Илай подарила мне летный комбинезон. Настоящий. Старинный. Такие, кажется, носили военные летчики во времена Второй мировой. Под стать меховым сапогам.

Я смущенно поднимаю влажные от слез глаза. Никогда еще не видела на сестрином лице такую широченную улыбку.

– С электроподогревом! – смеется Илай.

Она нажимает переключатель, и на нем загорается огонек. Ничего себе! А Илай все хохочет.

– Надевай, – говорит она, расстегивая молнию комбинезона. На секунду мне становится страшно: вдруг надену летный костюм, и меня тут же заберут на небо? Может, не стоит испытывать судьбу?

Хотя… как тут не примерить такое сокровище?

Сбросив на пол ненужные слои одежды, я запускаю ноги в штанины и застегиваю молнию. В этом костюме миллион карманов, и он ГОРАЗДО лучше обычного комбинезона. Гораздо лучше костюма дровосека с дождевиком. Гораздо лучше любой из когда-либо принадлежавших мне вещей.

– Сидит безупречно, – говорит Илай.

– Но я не умею пилотировать самолет.

Она смеряет меня своим фирменным взглядом.

– А это не для самолета. – Повисает многозначительная пауза. Илай знает про Магонию, про летающие корабли, про ростр – особое сословие людей-птиц, которое магонцы держат в рабстве. Среди них у меня, кстати, немало друзей.

Знает она и про мою магонскую мать. И про то, кем меня считают наверху. А теперь вот дарит мне летный комбинезон.

– Чтобы на него накопить, я пять долгих месяцев нянчила фонтанирующих отрыжкой малышей. Сделай так, чтобы мне не пришлось об этом жалеть, – говорит она.

На кармане красуется золотая надпись в россыпи серебристых звездочек.

– Разумеется, нашивку с твоим именем я заказать не могла.

– «Carpe omnia», – читаю я.

Не «carpe diem» – «лови мгновенье», а «carpe omnia» – «наслаждайся всем».

Хороший совет.

Я сгребаю сестру в охапку и стискиваю так сильно, что она издает сдавленный стон. Тогда я ее отпускаю.

– Ладно, проехали, – говорит она, поправляя гетры.

– Проехали, – повторяю я, теребя застежки на карманах.

– Слушай, – говорит она, – тут такая история приключилась.

– Какая?

– Джули говорит, что видела тебя сегодня в школе.

Секунду я перевариваю сказанное.

– И что в этом странного?

– Тебя *прежнюю*. Азу.

Мы молча смотрим друг на друга. Уверена, Илай сейчас думает о том же, о чем и я.

Хейуорд.

Та самая девушка, по образу которой была сделана моя старая оболочка. В младенчестве ее забрали в Магонию, а на ее место подкинули меня. Они с Илай биологические сестры.

– Ты якобы стояла через дорогу от школьного спортзала и пристально его разглядывала, – продолжает Илай. – Джули подумала, что видит привидение. Она ведь ошиблась, правда? Не могла же Хейуорд заявиться к нам в школу?

– Должно быть, ей все это померещилось.

– Маме с папой будем говорить? – спрашивает Илай.

Я мотаю головой.

– Если бы Хейуорд спустилась на землю, мы бы об этом знали.

Кару, моя птица сердца, ее бы точно почувствовал.

– Джейсону тоже не говори, – предупреждаю я. – Не хочу его тревожить. Сама во всем разберусь.

Илай послушно кивает, но я все равно подозреваю, что она может проболтаться. С нее станется. Я выбегаю на улицу, убеждая себя, что все будет хорошо.

До дня рождения считаные минуты, и ничего плохого со мной не случится.

Продираясь на велосипеде сквозь дождь-град-снег-слякоть-бурю, я представляю, что нахожусь на палубе воздушного корабля, где могу защитить родных и близких с помощью одного лишь вдоха, одной верной ноты. Я твержу себе, что хочу жить только этой, земной, жизнью, а большего мне и не нужно.

Но это неправда.

Я подъезжаю к дому Джейсона и, минуя парадную дверь, начинаю карабкаться по водосточной трубе. Так романтичнее. К половине пути я успеваю отморозить все пальцы и посадить на коленку синяк, но раз уж ты решила залезть к кому-нибудь в комнату по водосточной трубе, нужно довести дело до конца. Иначе стыд тебе и позор.

Меж тем в моем воображении вышеупомянутая труба уже оторвалась от стены и падает на землю. Спасибо, я уже однажды пробовала повторить полет Икара, прыгнув на самодельных крыльях с гаража. Если я, повелительница стихий, сейчас рухну и подверну лодыжку, это будет не только позорно, но и до крайности нелепо.

Добравшись до второго этажа, я останавливаюсь. В окне виднеется Джейсон. Он крепко спит. Мне редко случается видеть его таким, потому что он с детства страдает бессонницей, а с тех пор, как меня забрали в Магонию, вообще почти не смыкает глаз.

Завораживающее зрелище… Что бы ему ни снилось, не хочется его будить.

Вот бы он всегда так мирно спал: никаких сомнений, никакой паники, никакого беспокойства по поводу и без.

К несчастью, он только и делает, что беспокоится за меня. Бывает, уставится в никуда, а сам в это время собирает всякую там статистику, составляет какие-то бесконечные списки и рассчитывает вероятности… даже не представляю чего.

Временами, когда мы вместе, он будто витает в облаках, и, может быть, в этом виновата я сама. Может быть, это я витаю в облаках.

В Магонии меня считают *избранной*. Соблазнительный титул, а на поверку – полная чушь. Миллионы лет мифов и легенд. Тебя заставят во все это поверить, а потом убедят, что у тебя особое Предназначение.

Но вдруг избранной самой захочется выбирать свою судьбу? Вдруг она отвернется от своего Предназначения? Что тогда?

Я смотрю на Джейсона. Я *его* избранная. А он – мой.

В полумраке его лицо выглядит так, будто его вырезали из дерева: под скулами залегли тени, нос крупнее, чем нужно, и больно уж кривой – хотя чему тут удивляться, он ведь четыре раза его ломал.

Каждая из этих травм была получена у меня на глазах, и в трех случаях из четырех – по моей же вине. (Что я могу сказать? С кем не бывает!) Мой взгляд задерживается на его длиннющих ресницах. Эти ресницы – единственное, что в нем осталось от ребенка. Я знаю каждую отметину на его коже, будь то родимое пятно или «боевой» шрам.

Я знаю Джейсона Кервина не хуже, чем саму себя. А может быть, и лучше, ведь со мной за последнее время столько всего произошло. Он в отличие от меня ничуть не изменился, хотя сторонний наблюдатель, наверное, скажет, что, повзрослев, Джейсон очень похорошел.

Время идет. Кто-то становится симпатичнее, кто-то вообще расстается со старым телом.

Но, как бы он ни выглядел, внутри он навсегда останется аллигатором с длинным чешуйчатым хвостом, который явился без приглашения на мой праздник.

С тех пор прошло уже двенадцать лет.

Вот что стало с ним.

Вот что стало со мной.

Вот что стало с *нами*.

Я поддеваю пальцами оконную раму и тяну ее на себя.

ГЛАВА 2
{ДЖЕЙСОН}

Меня будит скрип открывающегося окна: кто-то тайком пробирается ко мне в комнату. Я пытаюсь нашарить рукой телескоп – на кой он тебе, Кервин?! – и в этот момент…

Моя девушка (даже само словосочетание до сих пор кажется мне чем-то из области фантастики, потому что в реальной жизни такого счастья я уж точно не заслуживаю) кубарем скатывается с подоконника на пол. И как она умудрилась взобраться на второй этаж по водосточной трубе, да еще в середине декабря? Такое под силу далеко не каждому.

Но Аза Рэй – она особенная.

Аза Рэй – она неповторимая.

Я притворяюсь спящим, потому что: 1) она хочет сделать мне сюрприз; и 2) каждый раз, когда я смотрю на нее, меня охватывает непреодолимое желание схватить ее за руки и никогда не отпускать.

Вот что случается с теми, кому довелось испытать боль потери. Чувство защищенности покидает тебя навсегда. Особенно если твоя девушка все время куда-то бежит, бежит со всех ног и во всех возможных направлениях. Тут есть из-за чего поволноваться.

Оконная створка захлопывается и прищемляет Азе ногу. Далее следует поток самых отборных ругательств. Но с ней все в порядке, она просто играет в шпионку. Окрыленная успехом, она даже мурлычет себе под нос мелодию из «Розовой пантеры».

Чтобы не портить ей удовольствие, я делаю вид, что смотрю уже десятый по счету сон.

В действительности же я почти никогда не сплю. А как тут уснешь?

Представьте, что ваша девушка может поднять воду из детского бассейна на соседской лужайке и превратить ее в груду камней или, скажем, сделать из тротуара бездонное озеро. Представьте, что у нее удивительное, неземное мышление, что она рассказывает вам истории об облаках, из которых торчат серебристые щупальца, и поет вам магонские песни. Однажды она подарила мне загадочный камень с зеленовато-серым отливом, который у меня же на глазах сотворила из дождя. Никогда прежде я не видел ничего подобного. Когда я поинтересовался, что это такое, она пожала плечами и ответила: «Да так, мини-метеор».

Представьте, каково это – ее любить.

Представьте, каково это – ее потерять.

Все считали ее погибшей. Все, кроме меня. Такой человек, как Аза, просто не мог умереть.

Оказалось, я был прав: Аза не умерла, она стала – а точнее, всегда была – существом из другого мира. Она открыла в себе новые способности.

А теперь представьте, что вам каждый день приходится обо всем этом беспокоиться, что вы ежедневно боитесь снова ее потерять, волнуетесь, как бы ее не забрали обратно на небо.

Чуть-чуть приоткрыв глаза, я наблюдаю, как Аза на цыпочках пересекает комнату, снимает шапку и встряхивает головой. Затем она принимается вытаскивать ноги из сапог, одновременно с этим расстегивая молнию – кстати, а что это на ней такое надето? – в результате чего теряет равновесие и снова чуть не падает. Видно, до сих пор не привыкла управлять своим новым телом.

– Чтоб я провалилась! – говорит она, наклоняясь надо мной, полураздетая, со вздыбившимися волосами. – У тебя уже, наверное, сна ни в одном глазу?

– Это мое обычное состояние, – усмехаюсь я.

– По-моему, как-то раз, лет пять назад, ты проспал всю ночь до самого утра.

– Вот это уже ненормально.

Аза сует под одеяло ледяную руку и нащупывает мои ребра. Явно подумывает, не погреть ли пальцы у меня под мышкой. Я хватаю ее за запястье, валю на кровать, прижимаю к себе и накрываю одеялом.

Мы лежим лицом к лицу, и она тихонько прыскает со смеху.

– Могла бы зайти через дверь. – Мне не дает покоя, что она отправилась сюда посреди ночи тайком и совсем одна (да еще и в бурю), но я стараюсь этого не показывать.

Аза не из тех, кто следует правилам, а если попытаться ее вразумить, она все начнет делать наперекор. От бурь мне становится не по себе. Всякий раз, когда небо темнеет, у меня в голове проносится мысль, что это ее последний день на земле и вместе с тем начало чего-то ужасного.

– Думаешь, мои родители не догадываются, что ты здесь ночуешь?

– Магонцы вообще-то не любят пользоваться дверьми, – говорит она, уткнувшись холодным носом в мою шею. – Впрочем, это была плохая идея, потому что на улице холодно и слякоть. Погода просто ужас! – Она поеживается. – А еще, кажется, у меня отвалились пальцы ног.

Ее замерзшие ноги медленно забирают тепло из моего тела. Ну и пусть. Подумаешь – померзну немножко. Главное, что Аза со мной, в моей постели. До сих пор не верю своему счастью. Я столько лет тайно, молча, беспомощно любил ее, столько лет гадал, ответит ли она взаимностью. Она обвивает ногами мои лодыжки.

– Не волнуйся, не отвалились, – говорю я, и лицо ее расплывается в улыбке. Она придвигается еще ближе. Я целую ее в лоб, в нос, в губы, а моя рука скользит по ее спине, плечам и ребрам, которые сохранили прежние очертания, несмотря на то, что поверх них надели новую оболочку. Голос у Азы тоже не изменился, да и сама она осталась такой, какой была всегда.

Так чего же я психую? Ну, у меня есть по крайней мере пятьдесят поводов для беспокойства. Больше всего я боюсь, что на землю начнут падать якоря, а затем воинственные небесные жители заберут ее обратно в Магонию.

Вряд ли я такой один. Может быть, все окружающие живут в постоянном страхе потерять любовь своей жизни и просто хорошо его маскируют?

Конечно, неземных созданий среди нас не так много, но наверняка у каждого есть что скрывать. Любой на моем месте страдал бы паранойей, но у меня все куда хуже: я постоянно чувствую себя так, будто стою на краю обрыва, а под ногами у меня Ниагарский водопад.

Ладно, все не так плохо. Последние пару месяцев я регулярно пил успокоительные, и они здорово помогли. Я больше не живу в состоянии панической тревоги, которую можно заглушить только бесконечным повторением числа пи. Тем не менее, в какой бы ситуации я ни оказался, мой мозг сразу же начинает представлять худшие варианты развития событий и придумывать, как их избежать. Так уж он устроен.

Раньше я знал, что девушка, которая мне дороже жизни, может умереть в любой момент.

Теперь у меня появилась надежда. Но, оказывается, и у этого чувства есть свои недостатки.

«Надежда – штучка с перьями, – говорит Эмили Дикинсон у меня в голове. – В душе моей поет – Без слов одну мелодию – Твердить не устает»[1].

Штучка с перьями, именно так. А мне вот совсем не хочется, чтобы у надежды были перья.

В прошлом году, когда мы с Азой вернулись из Западного Шпицбергена, я решил нанять человека, который охранял бы ее дом, но даже самые дешевые услуги в этой области – скажем, слежка за мужем-изменником или за скользким партнером по бизнесу – стоят от трех с половиной штук долларов в день. Я это серьезно. Естественно, ТАКИХ денег у меня нет. Пришлось найти другой выход.

[1] Пер. Б. Львова.

И засыпать по ночам стало еще сложнее.

В теоретической математике есть такое понятие, как парадокс горошины и солнца, или, если вы предпочитаете научные названия, парадокс Банаха – Тарского. Из него следует, что горошину можно разделить на части и составить из них объект размером с солнце – и наоборот. Вселенная эластична.

Аза тоже.

Я хочу, чтобы она была близко, как горошина на ладони, но есть силы, которые стремятся превратить ее в солнце.

На часах уже полночь.

– Закрой глаза, – говорю я, доставая коробок спичек.

Она повинуется, но сначала награждает меня своим коронным взглядом, как будто говоря: тебе ничем меня не удивить, мне известно все обо всем на свете.

А вот и нет!

– Держи, – я кладу подарок ей в руку. – Только не над кроватью.

Я зажигаю спичку, и раздается шипение.

– Можешь смотреть.

Она открывает глаза: в руках у нее бенгальский огонь в форме амперсанда.

– С днем рождения, Аза Рэй, – говорю я.

Темноту прорезают яркие брызги. Судя по выражению ее лица, с подарком я угадал.

& – это именно то, чего я хочу. &, &, &. И еще много &.

Я протягиваю Азе маленький сверток, и она тут же его открывает. Внутри компас, хороший, лучший из всех, что я смог найти. На крышке компаса выгравирован крошечный корабль с крыльями. К подаркам на день рождения я отношусь очень ответственно.

– Стрелка может двигаться в любом направлении.

– В смысле?

– Он будет работать и здесь, внизу, и ТАМ, наверху, – говорю я. – Если возникнет такая необходимость. – По центру компаса вращается маленькая сфера, от которой во все стороны расходятся лучи.

Она наводит компас на меня и улыбается.

– Что ты с ним сделал, Кервин?

Компас немного прокачали, а мне под кожу вживили маленький датчик, и теперь вместо севера он всегда будет указывать на меня.

Да-да, непроверенные технологии – дело рисковое, можете не говорить. Но как только я узнал, что такие штуки уже используются, пусть даже в узких кругах, я не смог устоять и начал прочесывать подпольные форумы биохакеров. Ради такого подарка, я считаю, можно и раскошелиться.

– Вдруг пригодится? – говорю я, и она поднимает на меня свои невероятные чернильные глаза, в которых поблескивает огонь.

– Куда я, по-твоему, собралась? – спрашивает Аза.

А что, если однажды ночью ей взбредет в голову пуститься навстречу приключениям?

– Никуда, – говорю, – но всякое может случиться. Там, кстати, есть встроенный фонарик и еще парочка-тройка полезных функций.

– То есть, если я потеряюсь в каком-нибудь темном месте, мне нужно будет направить компас на север, включить фонарик – и я увижу, в каком направлении находишься ты?

– Совершенно верно.

Недавно я решил собрать статистические данные о любви и катастрофах. Мне встретилось много видов любви: утраченная, разрушенная, запутанная, несчастная и, наконец, любовь, которая сама является катастрофой. Сейчас я пытаюсь выяснить, всегда ли эти два понятия неразрывно связаны между собой. Пока что однозначного ответа я не нашел.

– Ну что? – говорю.

– Что? – улыбается она.

– Тебе не нравится?

– С ума сошел? – говорит она. – Как мне может не понравиться такой подарок?

– Если хочешь, я верну его в магазин, – говорю я, выхватывая компас у нее из рук. Она тут же забирает его обратно.

– Как ты собрался возвращать компас, запрограммированный вместо севера указывать на ТЕБЯ? Думаешь, я захочу, чтобы им пользовался кто-то чужой, а, Кервин? – Она с улыбкой заглядывает мне в лицо.

– Это вряд ли, – говорю я.

Она пылко целует меня, прижимаясь ко мне всем телом так, что между нами вообще не остается свободного пространства. Мы как два кусочка самого необычного пазла на свете.

Есть и утешительные данные, подтверждающие, что не каждые отношения обречены на провал: мои родители по-прежнему друг от друга без ума. Каждый день, год за годом они боролись за свою любовь, даже когда борьба представлялась им невозможной, – так мне сказала Кэрол пару месяцев назад. Кэрол не романтик, она у нас в семье реалист. Это от Евы я слышу воодушевляющие слова о том, что в любви можно найти спасение, когда тебе кажется, что весь мир погрузился во мрак, а вот Кэрол – человек приземленный.

– Я знаю, что Ева всегда меня поддержит, – сказала она. – Даже когда я целыми днями пропадаю в больнице, даже когда у пациента ухудшается состояние, и мне начинает казаться, что я плохой врач, и параллельно я волнуюсь за тебя…

В этот момент она многозначительно на меня взглянула. Я предпочел сделать вид, что не понимаю ее экивоков. У меня нет сил успокаивать мам, пока я сам переживаю из-за судьбы всего мира и, главное, из-за судьбы своей девушки.

– Иногда Ева выводит меня из себя, иногда я ее допекаю, но мы все равно любим друг друга. Ни один человек на свете не подходит мне больше, чем она.

Разумеется, Кэрол с Евой не подозревают, что Аза жива.

Мы сами вольны выбирать свою судьбу. Аза выбрала меня, и вот год спустя она все еще хочет быть со мной – настолько сильно, что даже готова залезть ко мне в окно ночью в бурю.

Аза едва слышно напевает отрывок магонской песни. Под потолком появляется крошечная звезда, голубая по центру и красная по краям. Она такая яркая, что больно смотреть, и такая завораживающая, что невозможно оторваться.

Я включаю камеру на телефоне, чтобы снять звезду и песню Азы для своего архива. Я пытаюсь найти научное объяснение умению магонцев преломлять воздух и управлять материей.

Если вспомнить, что высокие ноты могут разбить стекло, а с помощью низких частот можно отделить кислород от топлива и тем самым потушить огонь, их способности перестают казаться такими уж сверхъестественными.

Сейчас Аза не сотрясает землю: она всего лишь сотворила звезду в миниатюре у меня в комнате. С каждым днем у нее все лучше получается управлять своим голосом.

– Почему у тебя такой вид? – спрашивает она.

– Потому что я по уши влюблен в тебя, дурочка, – говорю я.

Она обнимает меня за талию и целует. Через секунду я отвечаю на ее поцелуй, стараясь жить настоящим. У меня неплохо получается.

– Я тоже по уши влюблена в тебя, дурачок, – говорит она.

Перекатившись на живот, я придавливаю ее своим весом. Я вдыхаю запах, оставшийся после бенгальского огня, и разглядываю ее лицо в свете магонской звезды.

Я целую девушку, которая каким-то чудесным образом стала моей. Мне больше не хочется смотреть на звезду.

Мне хочется смотреть на одну только Азу и верить, что она никогда меня не покинет.

ГЛАВА 3
{АЗА}

Итак, первые часы восемнадцатого года жизни я провожу с человеком, которого люблю больше всех во вселенной.

Я говорю это, прекрасно осознавая, насколько эта самая вселенная велика. Мне было из чего выбирать. Над нами целое небо, а в нем – звезды, крылья, мысли.

Один лишь Джейсон всегда безоговорочно верил мне. Даже самые нелепые россказни принимал всерьез. И всегда был рядом, с тех пор, как мне исполнилось пять.

Джейсон держал меня за руку, когда я умерла. Он же держал меня за руку, когда я чуть не истребила население земли. Я чувствовала себя потерянной, чужой среди людей и уже не верила, что способна воскреснуть. Джейсон был со мной с самого начала – не бросит и в конце (когда бы он ни наступил и где бы нас ни застал).

Хейуорд не лезет у меня из головы. Стоп! Хватит думать о том, что может произойти. Живи настоящим.

Джейсон & Аза.

Просто [{{ }} & {{ }}]

Что такого сложного в этом «&»?

Да все.

Чтобы отвлечься, я кладу голову Джейсону на плечо и прижимаюсь лицом к его шее. Как же хорошо лежать тут с закрытыми глазами и разглядывать изнутри свои веки…

Я могла бы сделать вид, что подлегла к нему в постель с самыми невинными намерениями, что просто хотела уснуть, держа его за руку, но кто же в это поверит? В наших жилах течет горячая кровь… несмотря на то, что у кого-то она красная, а у кого-то синяя.

В общем, мы уже не первый месяц занимаемся сексом. На практике секс оказался вовсе не таким, каким его представляешь с чужих слов, и уж точно не УНИВЕРСАЛЬНОЙ категорией человеческого бытия.

Секс – это, пусть и важный, но всего лишь *один из* компонентов человеческой жизни. А теперь, когда я перестала быть одинокой птицей (драматизирую, виновата), и моей жизни тоже.

В моем понимании секс был переменной примерно в таком вот уравнении: любовь + секс = потрескивающая электричеством нега, плюс микс из поп-хитов, плюс великие поэты, плюс бабочки в животе, плюс румянец наутро после Рождества, помноженный на новый музей с коллекцией доселе невиданных жучков и паучков. Однако же в первый раз все вышло далеко не блестяще – сказалось отсутствие опыта. Тут нельзя выехать за счет парочки почерпнутых из интернета интересных фактов: с сексом такое не прокатит. По крайней мере, если вы рассчитываете получить от него удовольствие.

Я понятия не имела, что к чему, да и Джейсон тоже, поэтому наш первый раз, который случился полгода назад, мягко говоря, не задался.

Мы оба нервничали…

…было много «ой», в основном в моей озвучке…

…но и ему выпал шанс подать голос, когда я, вконец разволновавшись, принялась извиваться змеей и залепила ему со всей силы по носу (бедный нос, вечно ему достается), и тут мы оба такие ИЗВИНИ ПРОСТИ ПОЖАЛУЙСТА РАДИ БОГА ИЗВИНИ.

Начнем с того, что заниматься сексом – и так дело нелегкое, а я еще с замиранием сердца ждала, не выкинет ли чего-нибудь мой магонский организм. К счастью, обошлось без сюрпризов. Наш первый опыт был таким же неловким и неуклюжим, как у всех. Я, конечно, исследований не проводила, но, что бы там ни показывали в фильмах для подростков, думаю, никто не

начинает с усыпанной розовыми лепестками постели и ароматических свечей. А если и начинает, вряд ли все получается как в кино.

После второй попытки у нас появилось немало вопросов к мирозданию, потому что делали мы все то же самое, а результат оказался совсем другим.

Получилось! Но мы решили, что это нечаянное чудо нам никогда не повторить.

Дубль три: ОПЫТ + НЕКОТОРЫЕ УСИЛИЯ = УСПЕХ. Ослепительный фейерверк. В ту ночь мы словно спасали друг другу жизнь. Знаю, как это звучит, но иногда все бывает именно так.

Понятное дело, секс получается волшебным далеко не всегда. Иногда, несмотря на любовь и взаимное влечение, секс напоминает поездку на велосипеде со спущенной шиной.

Иногда вы куда-нибудь да приезжаете.

Иногда нет…

А иногда мне хочется петь…

Есть между сексом и пением некое сходство.

Особенно если речь идет о пении с Даем. Петь с ним было легко и естественно. Вместе мы сотрясали небо и поднимали волны из океана.

И уж конечно, наши с ним песни никогда не перетекали в долгие дискуссии о таких вещах, как ДА-ДА, Я НЕ ВЫДУМЫВАЮ как, например, впервые задокументированная в четырнадцатом веке падающая с неба таинственная субстанция под названием «звездное желе».

Вы уж простите за это нескладное предложение, но по-другому сказать язык не поворачивается.

Звездное желе. Нет, ну надо же! Я пребывала в полной уверенности, что ни один Джейсон Кервин не посмеет поднять столь мерзкую тему, ПОКА КУВЫРКАЕТСЯ СО МНОЙ В ПОСТЕЛИ, тем самым вынуждая меня прервать весь процесс и кинуться к компьютеру. Иисусе. Звездное желе?!

Как оказалось, оно и вправду существует.

Это такое склизкое вещество, кишащее различными, по-видимому ядовитыми, бактериями, которые активизируются после дождя. На землю оно падает в виде бледных сгустков.

Оно известно под разными именами. Звездная гниль. Звездная слизь. Романтично, не правда ли?

Если вы, как Джейсон, говорите по-валлийски, то вот вам еще вариант: pwdre ser. А если владеете латынью (тоже как Джейсон), можете смело использовать название stella terrae, что в переводе означает «звезда земли».

Согласно одной омерзительной теории, у которой нашлось немало приверженцев, падающие звезды – это сперматозоиды, посланные оплодотворять яйцеклетки планет. А звездное желе в таком случае… ну вы поняли.

Есть еще одна преотвратнейшая теория…

Парень, лежащий со мной рядом, открывает глаза.

– Хватит думать, Аза Рэй, – сонно бормочет он. – Я слышу, как ты думаешь. Прекрати.

– Не могу, – говорю. – Я вся состою из мыслей.

Тогда он находит способ если не остановить меня, то хотя бы отвлечь. Отличный способ, безо всяких спущенных шин.

По-моему, это и есть любовь. Как бы то ни было, другой версии любви я не знаю. Я изо всех сил стараюсь не думать о той версии, в которой нас постигает какое-нибудь ужасное несчастье. О той версии, в которой мы живы, но разлучены.

Мы целуемся, а я все равно нервничаю.

Из-за своей песни.

Из-за Хейуорд.

Нервы, нервы, нервы.

Половина шестого утра. Тихонько прикрыв за собой входную дверь, я тут же спотыкаюсь о Еву, которая сидит на крыльце с чашкой кофе в руках. Можно считать, повезло. Вот наткнись я на Кэрол, вторую маму Джейсона, тогда мне бы не поздоровилось. Ева хотя бы понимает, что девушки – явление неотвратимое в жизни молодых людей.

Она поворачивается ко мне с хитрой ухмылочкой, какую не увидишь на лице ни у одной мамы на свете. У Евы темно-коричневая кожа и серые глаза, а ее скрученные в дреды волосы одинаково улетно смотрятся и с деловыми костюмами, которые она надевает для выступлений в ООН, и с камуфляжными штанами, в которых копается в навозе. Ее имя приводит других ученых в благоговейный трепет, а вот обычные люди, которые в таких вопросах не ориентируются, видят в ней не эксперта по (среди прочего) генной инженерии, болезням растений и мировой стратегии борьбы с голодом, а умелого садовода-любителя.

Не случайно Джейсон такой мозговитый. Ева любого скептика закидает научными фактами, а потом окончательно собьет с толку, вручив ему гигантскую органическую тыкву в подарок. Об огороде Кервинов ходят легенды.

Ева непринужденно так спрашивает: «Ночевала у Джейсона, Бесс?»

А я непринужденно так отвечаю: «…»

Если быть точной, я не ночевала у Джейсона, а всего лишь провела с ним первые утренние часы. Но, судя по выражению лица Евы, не избежать мне Серьезного Разговора.

– Презервативами пользуетесь? – интересуется Ева. Я внутренне содрогаюсь. «Предохраняться» – вот общепринятый родительский эвфемизм!

– Да, – говорю. – Само собой. Защита, ответственность и так далее и тому подобное. И ТЭ-ДЭ! И ТЭ-ПЭ!

Ее взгляд задерживается на моем лице чуть дольше обычного, и тут я понимаю, что выдала типичный ответ в стиле Азы Рэй. Нацепив свой лондонский акцент, я продолжаю:

– В смысле… о нет, про резинки мы не забываем, так что…

О господи! Неужели эти слова и правда вылетели из моего рта? Откуда они только взялись? Мало того что я сказала «резинки», так еще и «о нет» вставила! Почему по запросу «британский сленг в области контрацепции» мой мозг выдал такое?

Еву, похоже, посетили те же самые мысли. Всем своим видом она как бы говорит: «Вы нарушили правила общения с родителями бойфренда, барышня. Теперь вас ждут дальнейшие расспросы».

В шкафу в прихожей Кервинов уже КОТОРЫЙ ГОД стоит огромная банка с презервативами, которым они, упаси боже, не ведут счет. Ну разумеется. Мы с Джейсоном к ней даже не притрагиваемся: заказываем свои собственные через интернет.

– «Резинки»? – повторяет Ева. – Вы там жвачки жуете, что ли? Мне прочитать тебе лекцию о контрацепции?

Я медленно умираю.

Тем временем Ева продолжает смотреть на меня в ожидании более адекватного ответа.

– Мы используем ТОННЫ презервативов, – говорю я. И снова мимо. Я складываю губы в некое подобие убедительной улыбки, которой не поверит ни один родитель на свете. – Никаких незапланированных малышей не будет!

Другие родители на их месте устроили бы скандал. Но мамы Джейсона, похоже, решили, пусть уж молодежь занимается этим дома, чем, скажем, в оранжевом «камаро».

– Всенепременно, – говорит Ева, сильно напоминая Джейсона.

– Всенепременно, – вторю я.

Она приподнимает кофейную кружку, как бокал с шампанским, и провожает меня подозрительным взглядом. По дороге домой я строчу Джейсону смс.

Как и следовало ожидать, приходит довольно безрадостный ответ: ОБЕ МАМЫ ТУТ. ПОДРОБНАЯ ЛЕКЦИЯ О СЕКСЕ С ПРИМЕЧАНИЯМИ И СПИСКОМ ЛИТЕРАТУРЫ.

В этот миг мы чувствуем себя самыми обыкновенными влюбленными подростками, которых подозревают в самых обыкновенных для влюбленных подростков прегрешениях. Знакомый сценарий. Мы оба чувствуем себя спокойнее, когда все идет по знакомому сценарию.

Перед тем как зайти домой, я в последний раз бросаю взгляд на небо. И хотя сегодня день рождения/смерти Азы Рэй, утро не предвещает ничего необычного.

Так почему же каждый нерв в моем теле дрожит в ожидании перемен?

ГЛАВА 4
{ДЖЕЙСОН}

Прежде чем заехать за Азой и ее сестрой, я сканирую небо с помощью мобильного приложения для анализа погодных аномалий. Все чисто – во всяком случае, так считает мой телефон. И все равно с самого утра я как на иголках. Где же праздничный настрой?

Дело в том, что именно так он у меня и проявляется.

Из года в год дни рождения Азы пролетали, как мильные столбы на пути к неминуемой катастрофе. Из года в год я пек торты и развешивал гирлянды. Лишь на одном из этих праздников, на самом первом, в честь ее пятилетия, я еще питал какие-то надежды, да и те были рождены неведением. К тому времени, как нам исполнилось по шесть лет, я уже знал о смерти, о том, что она попытается украсть у меня Азу. Когда нам стукнуло по семь, я начал писать свое письмо с извинениями, а к пятнадцатилетию Азы оно разрослось до сорока страниц. Я никогда не читал ей это письмо. Она и не знала о его существовании.

Из года в год я скрывал свои страхи за напускным весельем, а после каждого праздничного ужина возвращался домой, чтобы в очередной раз прошерстить интернет в поисках лекарства от неизлечимой болезни легких.

В некотором смысле теперь, когда бояться нужно только погоды, жить стало легче. Я часами изучал старинные бульварные газеты и результаты современных медицинских исследований, читал об экспонатах кунсткамер и цирковых уродцах. Сколько всего кошмарного произошло с людьми, которые родились со странными, необъяснимыми, завораживающими отклонениями…

Совсем как моя девушка. Бывает, таких ужасов начитаешься, что хочется поскорее все это забыть. Выхваченные с неба магонские суда. Эксперименты в секретных правительственных лабораториях посреди пустыни. Вскрытие трупов небесных жителей во имя науки. Кого-то из них выкинули с небесных кораблей просто для того, чтобы стало одним ртом меньше. Как подумаю об этих несчастных, больно сжимается сердце.

С тех пор, как Аза вернулась из Магонии, у нее всегда такое выражение лица, будто каждая наша встреча может стать последней. Каждый раз она на всякий случай безмолвно говорит мне «прощай». И думает, будто я ничего не замечаю. Мне начинает казаться, что она готова в любую минуту ухватиться за сброшенный с неба канат и залезть наверх.

Да, поводов для беспокойства предостаточно. И их не так-то просто выбросить из головы.

Когда твоя возлюбленная объявляет: *ах да, есть один парень, Дай, он со мной запечатлен, потому что судьба предначертала нам быть вместе и петь дуэтом* – сложно стоически выдержать такой удар. Я вообще-то не из ревнивых, но…

Ладно, чего скрывать, я готов на стенку лезть от ревности, даже когда держу Азу Рэй в своих объятиях.

Заль и Дай хотят забрать Азу наверх. Я хочу, чтобы она осталась внизу.

Аза хочет…

Аза хочет всего и сразу.

Вдруг «всего и сразу» не сыскать ни на небе, ни на земле?

– Вид у тебя чудной, – говорит Илай, садясь в машину. – Аза отправилась в школу пешком. Ты опоздал.

– У тебя тоже вид чудной, – говорю я.

– Я тебя умоляю, – фыркает она.

Весь внешний облик Илай отличается строжайшей симметрией, а одежда выглажена и застегнута на все пуговицы. Ничего общего с беспорядочной, хаотичной Азой-то-есть-Бесс.

Теоретически они и не сестры вовсе. А на деле – конечно же, сестры. Чудны́е сестры. Вещие сестры[2].

– Сегодня важный день, – говорю.

Илай меня понимает. Она была со мной в последний день земной жизни Азы, в те самые последние минуты в машине «скорой помощи». Она была со мной на похоронах. Ровно триста шестьдесят пять дней назад я притащился в школу в костюме аллигатора, а Илай – в помятых шмотках и с обкромсанными волосами. И конечно, у обоих были разбитые сердца.

Пожав плечами, Илай дотрагивается до моей руки, ведь в глубине души она добрая и отзывчивая, и пристально на меня смотрит.

– Мы движемся вперед, – говорит она. – Разумные люди не оглядываются назад. Психовать просто нет смысла, Кервин.

Я смотрю на нее круглыми глазами. Книжек по психологии начиталась, что ли? Она снова пожимает плечами.

– Йога, – объясняет она. – И медитация. А еще тай-чи и сеансы у психолога. О Магонии я упоминать не могла, но все же. Балет с гимнастикой уже не помогали и, чтобы часами не пялиться в небо, пришлось выбрать себе другие занятия. Тебе-то, разумеется, подобные проблемы не знакомы.

Она смеряет меня Многозначительным Взглядом. Так нечестно!

– Я нашла себе новое местечко для тренировок. Мог бы составить мне компанию. Отлипни от компьютера, выберись на солнце и перестань думать хотя бы на десять минут.

И как меня только угораздило подружиться с младшей сестрой своей девушки? Впрочем, она одна понимает, каково это – потерять Азу, а потом снова ее обрести. Мне не с кем больше поговорить. Для их родителей эта тема слишком болезненная, а кроме них о том, что Аза жива, не знает ни единая душа. Мы с Илай навсегда связаны событиями, которые нам пришлось пережить вместе. Но с каких это пор ей позволено распинать меня за домоседство?

– На тебя без слез не взглянешь. А какой ты стал бледноликий…

– Что, прости?

– Пытаюсь общаться с тобой на твоем же языке, – говорит она. – У тебя того и гляди мозги из ушей потекут. А на лбу появились новые морщинки. Три месяца назад их там не было. В общем, выглядишь ты *куда старше*, чем положено, а ведешь себя как отец-одиночка.

Я вздыхаю. Вот мы и на школьной парковке.

– Почему она решила пойти пешком? – спрашиваю я наконец.

– Праздничный мандраж, – отвечает Илай. – Вы оба сегодня сами не свои. Но у нас по плану торт, свечи и всеобщее веселье, так что придется взять себя в руки. Ради мамы с папой. Я знаю, ты любишь мою сестру, но ты такой не один. К тому же нельзя весь день о ней тревожиться. От твоей опеки ей не продохнуть.

Скривившись от такого неудачного выбора слов, я спрашиваю:

– Это она тебе сказала?

– Ей нужен парень, а не телохранитель. Соберись, тряпка!

Несколькими секундами позже она исчезает в здании школы. Я сижу в машине, медленно доходя до кипения.

Мне вообще-то позволено переживать. Строго говоря, Аза все еще умирает. На ней чужая оболочка, украденная с магонского корабля, которая рано или поздно придет в негодность. К тому же кто знает, кому и для чего она предназначалась?

Бесс Марчон, личность, которую Аза использует с прошлого года, приехала в Штаты по обмену, из Лондона, и следующие пару лет будет жить в семье Бойлов. Отсылка к «Маленьким

[2] Возможно, аллюзия на сестер-ведьм из пьесы У. Шекспира «Макбет».

женщинам» не случайна. Аза решила дать еще один шанс безвременно почившей Бесс Марч, которую вечно кутали в одеяло, хотя она об этом не просила. Бессмертная Бесс.

Голос ученицы по обмену сильно смахивает на голос некой усопшей Азы Рэй, но лондонский акцент это сходство маскирует. Подозрение отводят и другие факторы. У Азы Рэй Бойл кожа была мертвенно-бледного цвета с голубоватым отливом, а Бесс Марчон негритянка. Какого дерьма я только не наслушался в связи с этим. Ни за что на свете не подумал бы, что народ будет так на нее реагировать.

В общем, за прошедший год я много чего узнал о предубеждениях в мире людей, и эти знания достались мне тяжелой ценой. А я еще, дурак, считал, что земляне смогли бы нормально относиться к выходцам из Магонии… Иллюзии. Земляне не могут нормально относиться даже к *другим землянам*.

У многих нашлось что сказать по поводу Бесс. Расистских комментариев В Полном Смысле Этого Слова никто, конечно, не отпускал, но такие вещи все равно всегда чувствуешь. Опыт у меня есть. Ева темнокожая, и когда я в детстве ходил с ней гулять…

Скажем так: я думал, с тех пор мир изменился к лучшему. Между прочим, я не знаю, с кем из мам у меня биологическое родство. Кожа у меня светлее, чем у Евы, но темнее, чем у Кэрол, так что по внешнему виду невозможно определить, кто из них меня родил. Вот такие замечательные у меня мамы. Без шуток. Чужие люди им не указ, и я вырос таким же.

История рода человеческого не изобилует образцами для подражания, так почему бы не жить по-своему, пусть даже для кого-то твой образ жизни будет в диковинку?

Магонцы ничем не лучше людей – проблем хватает и внизу, и наверху. Возьмите хотя бы ростр, которых они поработили. Каково им живется в Магонии? Я, к слову, до сих пор ломаю голову над тем, как по-научному объяснить их способности к перевоплощению…

Сегодня я слежу за всем, что происходит вокруг, с утроенной бдительностью.

Что не помешало мне совершенно забыть о необходимости присутствовать на уроках. Я захожу в школу. По пути в класс замечаю, что все как-то странно на меня палятся. Похоже, вид у меня действительно неважный.

Прохожу мимо мистера Гримма, который с прошлого года, когда в меня ударила молния, как-то чересчур пристально за мной наблюдает. Я предпочел бы меньше внимания к своей персоне.

– Джейсон, – говорит он, – не воображай, будто никто не заметил, как ты сидел у себя в машине. Сегодня наказания не будет, но больше поблажек не жди. Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, – говорю, хотя на самом деле…

Возможно, Илай права. Я четыре урока просидел на парковке, пытаясь постигнуть загадки вселенной, и даже не заметил, как пролетело время.

Зайдя в класс, я первым делом ищу глазами Азу. Аза, она же Бесс, сидит в трех партах от моего места, и я понятия не имею, что творится у нее в голове.

Выглядит она счастливой, но думает явно не обо мне.

Впрочем, я и сам думал не о ней. Я был поглощен мыслями о небе, море и лесной глуши, а также о всевозможных штуках, исправить которые мне не под силу.

Будем считать, что мы квиты?

Аза смотрит в никуда.

Я смотрю на Азу.

На ее лице мелькает загадочное выражение, лоб морщится, взгляд невидяще устремляется вдаль. Неужели беседует с Кару, своей птицей сердца? Или у нее просто разболелась голова? А может быть, она прямо сейчас планирует побег в свое небесное королевство…

Паранойя, Кервин, это называется «паранойя».

Выкинув из головы всякую чушь, я мысленно систематизирую все возможные способы решить проблемы Магонии и земли. В моей памяти хранятся предания о летающих кораблях,

отчеты о температурных скачках за десятки веков, записи о природных катаклизмах из средневековых хроник, отрывки из старинных книг чудес, в которых говорится о дождях из листьев и побегов, а также многое другое. Эти сведения я сопоставляю с данными о деятельности людей.

Я кое-что читал о суперрастениях, но, насколько могу судить, волшебной пищевой культуры, способной накормить всех землян и жителей небес, просто не существует.

Я размышляю о (в алфавитном порядке): бананах, ГМО, жаре аномальной, засухе, Магонии, миндале, озоне, паразитах, пестицидах, пыли зерновой, пятнах мусорных в океане, пятнах нефтяных, смерчах, химикатах, штормах ледяных и щуплости семян. В словаре катастроф найдется еще немало статей. Что, если все эти бедствия обрушатся на землю одновременно? Что, если Магония перестанет творить погоду?

Далее я отделяю феномены магонского происхождения от тех, которые возникли по милости землян, а заодно пытаюсь понять, много ли людей знает о Магонии. Некоторые определенно знали о ее существовании годами.

На днях передавали о дожде из блестящих волокон, серпантином сыплющихся с неба. В народе их называют «ангельскими волосами». По официальной версии, это дипольные противорадарные отражатели – полоски из фольги или стекловолокна, которые выбрасываются в воздух военными самолетами для создания радиолокационных помех. Иными словами, чтобы воздушные суда нельзя было засечь на радаре.

По словам Азы, магонцы используют похожие защитные механизмы: маскируют свои корабли, окружая их облаком из маленьких частиц. Такой у них камуфляж для разведывательных миссий. Правда, я почти уверен, что полоски из фольги они не используют. Любопытно, каково это – попасть под дождь из магонского камуфляжа?

Человеческому глазу открывается далеко не все. Некоторые вещи спрятаны у всех на виду.

Я снова бросаю взгляд на Азу. Она шустро водит ручкой по бумаге.

Она выглядит такой человечной… Гляжу на нее и думаю: она моя.

Я полностью доверяю ей.

Почерк у нее остался прежним, движения руки ничуть не изменились, и сегодня ее день рождения.

Обидно, что не существует группы поддержки для людей, которые встречаются с людьми, которые не являются людьми.

Уже одно название звучит дико, будто строчка из песни какой-нибудь шизанутой рок-группы. И все же мое воображение рисует такую сценку: я сижу за большим столом с горсткой парней, которые тоже встречаются с магонками, и каждый из нас по очереди берет слово.

«Я всегда волнуюсь во время грозы. Когда грозы нет, я тоже волнуюсь. Я переживаю всякий раз, когда она кашляет. Я места себе не нахожу, когда она не берет трубку».

Но если бы такая группа поддержки и существовала, я был бы единственным ее членом. Один парень за столом в пустой комнате.

Аза поднимает глаза, улыбается и шлет мне воздушный поцелуй.

Я больше не один. Напротив меня за большим столом сидит Аза Рэй.

Дыши, Кервин, просто дыши.

ГЛАВА 5
{АЗА}

Что бы я ни говорила сестре, при одной мысли о том, что Хейуорд могла явиться сюда, я прихожу в нервное возбуждение.

Если она тут, внизу, значит, ее кто-то прислал.

Заль, Дай, да кто угодно. Из Хейуорд вырастили настоящего киллера, а по происхождению она – настоящая Бойл. Если она тут, внизу, значит, ее послали за мной.

Я хочу в небо/Я не хочу в небо/Я хочу сражаться/Я не хочу сражаться/Я скучаю по пению/Я…

Скучаю по Магонии.

Как ни досадно в этом признаваться, я правда скучаю по Магонии. Против воли. Я не хочу по ней скучать. Но.

Я иду в школу пешком, одна, заглядывая в каждый темный уголок, встречающийся на моем пути, но Хейуорд нигде не видно. Вряд ли она придет в школу, зная, что как две капли воды похожа на погибшую ученицу, она же не умалишенная. Такой жест привлечет к ней слишком много внимания.

Я захожу в класс задолго до звонка и взываю к своей птице сердца.

Я ищу ее и…

ЩЕЛК – я лечу прямо на солнце, вытягиваясь всем телом, – набираю скорость – лавирую – складываю крылья и устремляюсь вниз. Я неопознанный летающий объект.

Если быть точной, не я, а Кару. Он поет мне с магонских небес, а я отвечаю ему с земли. Мой беззвучный голос объединяется с его громким криком, и вместе мы выводим ноту, которую не смогли бы взять поодиночке. Кару – птица вольная, он сам выбирает, с какой скоростью и куда ему лететь. Подключаясь к его сознанию, я вижу все, что доступно его взору.

«Где Хейуорд?» – спрашиваю я. Кару не отвечает. Ему куда интереснее летать, чем ворошить прошлое. Мне же, напротив, не удается с этим прошлым расстаться. Сегодня мой день рождения, и мне не по себе.

Это еще слабо сказано. У меня складывается впечатление, что первые часы своего семнадцатилетия я провела в психушке. Как же это странно и грустно – притворяться совершенно другим человеком, внутри оставаясь все той же Азой… Я загадка без ответа. Так было всегда, только раньше я была умирающей девочкой, а теперь стала пришельцем, и если раньше все гадали, какая у меня болезнь, то теперь им пришлось бы гадать, к какому я принадлежу биологическому виду.

Я до сих пор не разобралась, как ЖИТЬ тут, на земле.

В Магонии я была дочерью капитана с мощнейшим голосом, способным перевернуть мир, а здесь я обычный Подросток. Версия 1.0.

В Магонии люди моего возраста считаются взрослыми, там я могла бы уже стать капитаном корабля, да кем угодно. А тут я беспомощна.

– БЕСС МАРЧОН! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Над моей партой склонился мистер Гримм. Вид у него, прямо скажем, недоброжелательный. Джейсон сидит всего в нескольких партах от меня, задумчиво глядя в пустоту.

– Бесс, ты что… пела? Это как минимум свидетельствует о том, что ты не слушала материал. Ты сюда приехала учиться или в акапельный ансамбль пробоваться? Если литература тебя не интересует, можешь пройти вниз по коридору.

Э-э… Ух ты…

– Да, простите, я не специально.

– Надеюсь, такое больше не повторится, – говорит Гримм.

Мне всегда нравился мистер Гримм. Он все такой же странный, все так же похож на физкультурника с острым, как бритва, умом. Не следовало летать со своей птицей сердца у него на уроке. От него ничто не укроется.

– Я снова с вами.

Весь класс вытаращился на меня так, будто я ходячая аномалия, но, несмотря на то, что тело у меня новое, мне не привыкать. Надо бы отнестись к ним с сочувствием. Они-то вместо того, чтобы парить над облаками, вынуждены торчать здесь, на земле.

– Контрольная работа, – объявляет Гримм.

– Даю вам десять минут, – говорю я, точь-в-точь как сказала бы Аза Рэй.

– Бесс, избавь нас, пожалуйста, от комментариев, – вздыхает Гримм.

Когда он поворачивается к доске, я снова погружаюсь в сознание Кару. Мимо проплывает крупная стая шквальных китов. Я смотрю на их серые спины и слушаю их песни, пролетая под фонтанами брызг, дождем падающих на землю. Сильная, легкая, с гладкими перышками, я плавно скольжу по небу. Меня несет сам воздух.

Все предельно ясно.

Для таких полетов и были созданы крылья Кару, и с ним я обретаю невесомость.

Иногда я прошу Кару пролететь над магонской столицей, Маганветаром, чтобы проверить, не выбралась ли Заль из тюрьмы, но сегодня я этого не делаю. Сегодня он волен лететь, куда ему вздумается. Как бы сильна ни была моя птица сердца, она всегда будет надломленной. Она столько лет провела в изоляции, что у нее крыша поехала – или что там едет у птиц?

А я…

Я тоже надломленная.

Я не пела с Кару с малых лет, как это принято у магонцев, поэтому нам приходится учиться всему походя. Раньше он пел с моей матерью, Заль, но их связь разорвали в наказание за то, что она попыталась затопить землю.

Что не помешало ей повторить попытку спустя много лет – на этот раз с моей помощью.

Канур не может жить без партнера по песне. Бедный Кару пятнадцать лет провел в клетке, разговаривая с самим собой, и теперь, чтобы его не нагнали темные воспоминания, вынужден лететь как стрела.

Мы с ним прекрасно друг другу подходим.

Кару показал мне гнезда в скалах, ледяные пещеры, возвышающиеся там, где небо встречается с землей, воздушного кракена (гигантское головоногое с длинными щупальцами, словно сотканными из тумана) и пару-тройку летающих существ, которых я при всем желании не смогу описать.

В земной атмосфере множество живых созданий, и каждый снегопад, каждое дуновение ветра – это творение одного из них. Если бы люди узнали об этом раньше, наш мир выглядел бы сейчас по-другому.

Перед глазами яркой вспышкой мелькает закат, алые облака. Кару летит сквозь них, освещая песней свой путь. Пусть многое в этом мире пошло наперекосяк, нам есть за что его благодарить. За алые закаты, например.

Я беру в руку карандаш, пододвигаю листок бумаги и, пока Кару мчится навстречу заходящему солнцу, пытаюсь сосредоточиться на жизни на земле, на контрольной работе.

– Песня Амьена в Арденнском лесу, – говорит Гримм. – Вперед.

Занятный выбор. К счастью, эти строки я знаю наизусть. Я принимаюсь яростно строчить. Шекспир часто писал о птицах и погоде, отдавая особое предпочтение бурям. Что его вдохновляло? Загадка. Кто знает, может быть, он тоже плавал по небу на воздушных кораблях.

Кто под зеленою листвою

Желает отдыхать со мною
И хору птичьих голосов
Кто вторить весело готов —
Пусть придет, пусть придет, пусть придет!
Здесь, на лоне природы,
Он врагов не найдет,
Кроме зимней, суровой погоды![3]

Вот у меня врагов хватает, но сегодня я стараюсь выбросить их из головы. Над школой нависло серое небо, запруженное прекрасными чудовищами, но здесь, в классе, тепло и уютно, и все вокруг прилежно работают.

У меня есть любящая семья, любящий парень – мне очень повезло.

Я бросаю на него взгляд.

Мой север.

Он смотрит перед собой невидящими глазами, не обращая на меня внимания.

Мы с Кару беззвучно поем, прямо посреди урока, создавая грозу, способную оросить сухое поле. Магония и земля могли бы действовать сообща. Что им мешает? Дождь + поля = урожай. Урожай + Магония = счастье.

Но земляне не имеют ни малейшего понятия о существовании небесного края, а магонцы либо боятся «утопленников», либо открыто их ненавидят. Какая глупость! Но люди не любят делиться. Половина населения земли голодает. Сдается мне, единственное, что объединяет разумных существ со всех уголков вселенной, – это страх и эгоизм.

Кару издает крик, и я снова перемещаюсь на небо, где, сложив крылья, мой сокол пролетает мимо шквального кита. Над нашей головой идет сотворенный нами дождь.

Я закрываю глаза и ощущаю его наслаждение. Он обводит взглядом горизонт. Вдалеке, с краю, появляется микроскопическая черная точка, которая увеличивается с каждой секундой. Никак не разберу, что это такое… Птица, что ли? Почему-то при виде этой точки у меня по спине пробегают мурашки. Я предупреждаю Кару, чтобы держался от нее подальше.

Она движется нестройными рывками, а затем, когда Кару залетает за шквального кита, исчезает из виду. Небо, звезды, видение теряет резкость.

Я содрогаюсь. Эта загадочная точка мне совсем не нравится.

Будь осторожен, пою я безмолвно, но Кару настолько поглощен полетом, что ничего не отвечает.

Кару сильный, он за себя постоит. В схватке ему нет равных.

Так почему же я распереживалась?

А вот почему. После всего, что произошло на мой прошлый день рождения, вряд ли можно ожидать, что я встречу свое семнадцатилетие с ледяным спокойствием. В моем случае волноваться – это как раз нормально.

Может быть, все-таки стоит попросить Кару пролететь над тюрьмой Заль? Так, на всякий случай.

Но что-то меня останавливает.

Я поворачиваюсь к Джейсону и шлю ему воздушный поцелуй, пытаясь вернуться к реальной жизни.

Мне едва удается удержаться, чтобы не послать ему крошечную грозовую тучку.

Нет уж. У меня все под контролем.

[3] Из пьесы В. Шекспира «Как вам это понравится». Пер. П. Вейнберга.

ГЛАВА 6
{ДЖЕЙСОН}

После уроков Аза куда-то уходит.

«Любишь – отпусти», – говорит мой мозг, цитируя идиотский слоган с плаката, который я в семилетнем возрасте видел в кабинете зубного. Я отпускаю ее, делая вид, что этот поступок не стоит мне никаких усилий. Сегодня я далеко не в лучшей форме: не выспался, весь на взводе, иду на ненужные риски, постоянно отвлекаюсь на небо.

Гримм застукал меня на уроке, когда я отслеживал места массовой гибели птиц. Судя по данным радарных наблюдений и новостным сводкам, они штабелями падают с небес – и дело тут не в птичьем гриппе. Случается, что птичек сбивают ракеты или реактивные самолеты, но сегодня утром в шестистах милях отсюда с неба свалились целые тысячи черных дроздов. Я досконально изучил все доступные сведения, чтобы узнать причину их смерти. Быть может, какому-нибудь идиоту взбрело в голову запустить фейерверк недалеко от места ночевки птиц…

Или.

Дождь из птиц – явление не то чтобы уникальное. В 2001 году в индийском штате Керала некоторое время шел красный дождь.

История повторилась в 2012. Ученые выяснили, что осадки были окрашены спорами местных водорослей, вызывающих цветение воды. Всякий раз, когда я думаю об этом происшествии, на ум приходят два объяснения: научное и… Магония.

Помните разразившийся в начале восьмидесятых политический скандал вокруг так называемого желтого ливня? США тогда обвинили СССР в использовании химического оружия. Изучив состав «желтого ливня», который шел в Лаосе и Камбодже в семьдесят пятом, эксперты выяснили, что это всего-навсего пчелиный помет. Такова, по крайней мере, официальная версия, а материалы по делу до сих пор не рассекретили.

Так что, возможно, «ливень» имел магонское происхождение, а правительства различных стран просто прикрывают свои зады.

Вот что в последнее время занимает мои мысли. Кстати, магонцам не составило бы особого труда полить землю ядовитыми веществами вместе с дождевой водой, уничтожая (в основном) ничего не подозревающее население почти таким же способом, какой выбрала Заль.

Хорошо, что мне не выпала доля сражаться на ее стороне!

Пока я строил графики и диаграммы на планшете, за моей спиной нарисовался Гримм. На его лице читался особый интерес. У меня там почти все зашифровано, однако же…

– Особый проект, Кервин?

Нет, правда, никто кроме меня и не поймет, что я ищу.

– Ага, научный, – заверил его я.

Проект у меня *действительно* научный. К несчастью, он снабжен фотографиями дохлых птиц из разных уголков планеты. Гримм наклонился над планшетом, разглядывая изображения.

– А это что за пернатое? – спросил он.

Он указывал на видео человека-птицы, которое я смонтировал под руководством Азы с помощью базовой компьютерной графики. Аза хотела, чтобы я понял, как выглядят ростры. Я склеил парашютиста и орла, и, по ее словам, вышло довольно правдоподобно. Чего только не достигнешь, имея мозги в голове и компьютер под рукой.

– Да так, ниче. Эт я дурью маялся, – отвечаю я голосом, позаимствованным из ситкомов пятидесятых годов. – Это наш совместный проект с Аз… то есть Бесс.

Во всем виноват недосып. Гримм с сочувственным видом вернулся на место, а я поклялся впредь быть осмотрительнее. Никуда не годится совершать такие нелепые ошибки, не то еще потащат к психологу, начнут названивать родителям или, не приведи господь, отправят к *школьной медсестре*! Нет, только не в день рождения Азы.

В результате, когда мы с Илай встречаемся после уроков, она окидывает меня быстрым взглядом и выносит вердикт: «Нет».

А затем заставляет ехать на окраину города, где она нашла дерево с парочкой идеально ровных ветвей. Видимо, собралась провести для меня мастер-класс по фитнесу. Мне уже здесь не нравится: на соседнем холме расположено кладбище, на котором, как все думают, захоронен труп Азы, и там же я в последний раз видел Хейуорд.

– В настоящий спортзал ходить не пробовала? – интересуюсь я. – Они ведь существуют.

– Спортзалы находятся в четырех стенах, – парирует Илай, – а тебе нужен солнечный свет. Ты как растение, загнувшееся без фотосинтеза.

– Я вообще-то не растение, а человек. Разве нам не нужно готовиться к празднику?

– У тебя все на лбу написано, Кервин, – говорит она. – Ты на грани нервного срыва.

На этих словах она выходит из машины и мчится к своему дереву. Двумя секундами позже она уже свисает с одной из веток вниз головой.

– Выбирайся из своей черепушки, сестрин ухажер! – кричит она, высунув голову из густой кроны.

– Это никакая не йога! – кричу я в ответ.

– Да ты и в йоге ничего не смыслишь, – говорит она.

Не показать ли ей позу журавля, которую я разучил, чтобы раздражать Азу? Это единственная поза из йоги, которую я умею делать. Хотя какой смысл? Все равно она права.

– Слушай, – говорит Илай. Она начинает раскачиваться, едва держась за ветку кончиками пальцев. Я и не знал, что она такая сильная и гибкая – прямо как Хейуорд. Впрочем, это неудивительно, они ведь биологические сестры.

Только Илай добрая. В основном.

А Хейуорд убийца. По большей части.

Раскачиваясь на ветке, как на турнике, Илай делает подъем в стойку на руках. Сестры Бойл, надо отдать им должное, девушки способные. Все трое.

– Илай, – говорю я.

– Что? – откликается она, застыв кверху ногами.

– У меня такое в жизни не получится.

– Тебе нужно *хоть чем-нибудь* себя занять, – говорит она, делая вращение назад. – Ты зацикливаешься на плохом.

Я пожимаю плечами:

– Это не новость.

– Аза в курсе, что творится у тебя в голове? Ты рассказывал ей, сколько всего помнишь о дне ее смерти?

– Нет, – говорю. – Не хочется обсуждать этот кошмар. Я изложил ей отредактированную версию событий.

– Я тоже помалкиваю, – говорит Илай. – А со стрессом справляюсь с помощью спорта. Вот этот элемент называется «Полночь». Сама придумала.

Она снова встает на руки и вытягивается по струнке, как будто не существует никаких летающих кораблей, дождей из птиц, умирающих от ядовитых выбросов шквальных китов, вражеских капитанов и целой доселе неведомой расы, вознамерившейся нас истребить.

– Ты только и делаешь, что волнуешься, – говорит она.

– Все равно мне такое ни за что не повторить, – говорю я, восхищаясь ее мастерством. Илай настоящая спортсменка, пусть даже такой дисциплины, как гимнастика на деревьях, и не существует.

– Попробовал бы упрощенный вариант, – говорит она с надеждой в голосе.

– Почему бы сразу не научиться летать?

Продолжая стоять на руках, Илай закатывает глаза точно так же, как это сделала бы Аза, и тут я понимаю, как неудачно подобрал слова.

Она возвращается в исходное положение и смеряет меня серьезным взглядом.

– Я просто хочу, чтобы у нас с тобой хватило сил ее защитить, если за ней снова придут, – говорит Илай. – На этот раз мы хотя бы знаем, с кем имеем дело. Я не расстанусь с ней снова.

На короткое мгновение все ее страхи отражаются у нее на лице. Такое не часто увидишь.

Но спустя пару секунд она уже с невозмутимым видом бегает босиком по веткам, отрабатывая координацию движений. Среди Дыхания (спецотряда преданных Магонии людей, похищенных еще в младенчестве или, что случается гораздо реже, примкнувших к магонцам во взрослом возрасте) есть бойцы, которые обладают практически сверхъестественными способностями, и Хейуорд одна из них. Илай, похоже, изобрела собственную версию боевой подготовки.

Что я могу сказать? Каждый справляется с переживаниями на свой лад.

Я наблюдаю, как Илай бьет морду воображаемому врагу посреди замерзшего поля. Кому еще придет в голову тренироваться на улице в разгар зимы? Закутавшись в куртку и натянув шапку на уши, я сижу у стены, опоясывающей поле, и предаюсь мрачным размышлениям о Дае, Магонии, судьбе и нервных срывах.

– Подъем, – говорит Илай. Оказывается, я так вымотался, что вырубился прямо на месте. Недобрый знак. – Я закончила.

– Я не сплю, – бормочу я.

– Вот и хорошо. Тебе еще торт печь, – говорит она. – И помяни мое слово, рано или поздно ты окажешься на этом дереве вместе со мной.

– Обязательно, – говорю. Ей меня не изменить. У Илай гибкое тело, а у меня зато гибкий ум. Мы оба хотим защитить родных и близких, просто используем разные средства.

Мы садимся в машину, и я везу ее домой. Сегодня мне уже вряд ли станет лучше, но это ничего, я привык находиться в подвешенном состоянии. Когда я не знал, ответит ли мне Аза взаимностью, терзался двадцать четыре часа в сутки. Корябал послания на всем, что подвернется под руку, придумывал сотни способов, которыми она меня отвергнет, и так ни разу и не осмелился представить себе будущее, в котором мы стали парой.

Аза поджидает нас на крыльце в своем костюме летчицы с меховым воротником. Я так и не понял, откуда он взялся, но выглядит она сногсшибательно – вылитая Амелия Эрхарт[4]. Я помню, какая участь постигла миссис Эрхарт, но запрещаю себе об этом думать.

Аза машет нам рукой, по-прежнему погруженная в себя.

– Мысленно рассекала небо верхом на Пегасе? – интересуется Илай.

Аза рассеянно отвечает:

– Скорее уж на шквальном ките.

– Вам обоим срочно нужно по куску торта, – объявляет Илай. – Я не смогу одна веселиться за всех. Кое-кому надо приступить к готовке – незамедлительно. Хватит хандрить. За дело!

Метнув на меня сердитый взгляд, Илай скрывается в доме.

Я подсаживаюсь к Азе.

---

[4] Известная американская писательница и пионер авиации, первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантический океан. Пропала без вести во время кругосветного перелета 2 июля 1937 г. в возрасте тридцати девяти лет.

– Выкладывай, что случилось, – говорю. – Предупреждаю, своими «ничего» ты только убедишь меня в обратном.

– Все нормально, – отвечает она не особенно убедительным тоном.

– Что стряслось? – допытываюсь я.

Она вздыхает.

– Подруга Илай утверждает, что видела меня вчера у школы. *Прежнюю* меня – Хейуорд.

Я мгновенно вспыхиваю. Почему я не в курсе? Кто подкачал? Почему Илай меня не предупредила?

– Я с самого утра ее ищу. Всю округу обошла, но безрезультатно. Будь она тут, неподалеку стоял бы корабль Дыхания, но его тоже не видно.

– Тут ты права, – говорю я. Никакой подозрительной активности в небе. Впрочем, Хейуорд могла прибыть сюда десятком различных способов, Дыхание ведь путешествуют не только на летающих кораблях. Она могла высадиться на землю в пятидесяти милях отсюда и поймать попутку. Дыхание – люди, поэтому они, в отличие от магонцев, прекрасно чувствуют себя в нижних слоях атмосферы.

В последний раз, когда я видел Хейуорд, она просто появилась на пороге моего дома без всякого предупреждения (никаких вам гроз, никаких молний и раскатов грома), притворилась Азой и попыталась меня убить.

– А *ты* откуда знаешь, что поблизости нет корабля Дыхания? – спрашивает Аза, нахмурив брови.

Упс!

С недавних пор я больше не вижу магонские суда невооруженным глазом, но это не мешает мне отслеживать их передвижение.

– Я просто предположил, – говорю. – Облаков нет, негде прятаться.

Нельзя допустить, чтобы Аза сама бросилась на поиски врага. Паника толкает людей на ошибки. Если Хейуорд и в самом деле пожаловала на землю, Аза в большой опасности.

– Возможно, подруге твоей сестры все это просто привиделось, – говорю я, прощупывая почву.

– Возможно, – соглашается она.

Похоже, мой список дел на сегодня только что увеличился пунктов на сорок. Нужно подготовиться к появлению Хейуорд, нужно…

А вдруг Аза будет совсем не против, чтобы ее забрали наверх?

Судорожно сглотнув, я начинаю:

– А вдруг…

Не поделиться ли с ней всем, что мне известно? Нет, не стоит.

– А вдруг что?

– Ничего, – говорю. Она пристально смотрит на меня, но я продолжаю молчать.

Ну что же.

Я всю жизнь пытался добиться невозможного, с малых лет планировал для Азы счастливое будущее. Я делаю вид, что разглядываю улицу, чтобы спрятать от нее лицо. Родным и близким не стоит знать о наших самых глубоких переживаниях и самых темных страхах. О наших секретах.

– Я тебя в обиду не дам, – говорю я, не глядя на нее. Она бы все поняла по выражению моего лица. Я беру ее за руку и сжимаю холодные пальцы. – Я с тобой, все образуется.

– Откуда тебе знать?

– Ты до сих пор жива, мы вместе, а значит, чудеса случаются.

Аза молчит. Повернувшись к ней лицом, я ловлю на себе ее серьезный, пристальный взгляд.

– Ты – главная радость в моей жизни, – говорю я.

– Правда?

– Правда. – Странно… неужели она сомневается в моих чувствах? Я возвращаю беседу в привычное для нас русло, озвучивая весьма неприятный, но не дающий мне покоя вопрос: – Я вселяю в тебя ужас?

Короткая пауза.

– Нет, – говорит она. – Ты тоже главная радость в моей жизни, потому что никто не умеет печь такие вкусные торты, как ты.

Всем своим видом она пытается убедить меня, что все будет нормально, что ее мысли заняты одним лишь предстоящим праздником. В то же время в ее взгляде читается немая просьба не возвращаться больше к этому разговору. Знакомый взгляд. Раньше она награждала им тех, кто интересовался, каково это – быть неизлечимо больной.

Что ж, если она так этого хочет, буду делать вид, что все хорошо.

Она резко встает и, не дав мне опомниться, исчезает за дверью. Что-то подсказывает мне, что она не до конца со мной откровенна. Уверен, и ей что-то подсказывает, что я не до конца откровенен с ней.

Я-то знаю, в чем покривил душой. Прежде чем проследовать за Азой внутрь, я достаю свой тайный мобильник и отправляю смс.

ГЛАВА 7
{АЗА}

Родителей я обнаруживаю в гостиной: мама отрывается по полной под какую-то странную мелодию, а папа сыплет чудовищными шутками, над которыми сам же и угорает. У меня создается впечатление, что мы находимся по разные стороны стеклянной стены.

Вот бы куда-нибудь спрятаться от дорогих мне людей, чтобы их оградить…

Что-то надвигается. Об этом кричат все мои инстинкты, все органы чувств.

И тут мама такая: «А ты знала, что мыши умеют петь?»

Я (сделав над собой усилие): «Так вот что у вас тут играет?»

Я-то думала, они электронную музыку слушают, а это, оказывается, хор мышат в современной аранжировке. Вышло очень ритмично. Даже не знаю, что сказать.

Мама: «Это мышиная версия… творчества Барри Уайта».

Я: *приподнимаю одну бровь*

Мама: «Правда-правда! Она на них действует как афродизиак. Мышки в кухне наверняка уже разбились на пары».

Не хватало только, чтобы она завела про презервативы для грызунов…

Мама изображает, что поет в микрофон, папа отвечает тем же, и оба прыскают со смеху, как люди, привыкшие смешить друг друга со времен Юрского периода.

Ладно, рассказы о безумствах моих родителей к делу не относятся.

Я весь день прочесывала квартал в поисках Хейуорд. Дала ей шанс выйти на связь, но она его не использовала. Никаких следов или тайных знаков, ни единого корабля Дыхания в небе – ничего.

Тревожно ли мне? О да. Бегают ли у меня по спине мурашки? Определенно. Хейуорд не объявилась, но меня терзают дурные предчувствия.

Мышиная брачная песня навевает мысли о Магонии. Так могли бы щебетать какие-нибудь крохотные экзотические птички.

Ребенком я ночами сидела на крыше, разглядывая созвездия. Помню, иногда сверху доносились… какие-то звуки. Как это ни парадоксально, оказывается, я смотрела на родной мир, а оттуда на землю смотрели мои сородичи, пытаясь меня разыскать.

Может быть, так и устроена жизнь? Может быть, в ней все пытаются друг друга найти?

Пару месяцев назад Джейсон раскопал в интернете запись пятидесятидвухгерцевого кита, которого прозвали так благодаря уникальной частоте издаваемых им звуков. Его песня была очень грустной и сразу напомнила мне о раненых шквальных китах и кислотном дожде.

Но что, если тот кит, «самый одинокий кит на свете», просто-напросто так шикарно поет, что ни одному животному не хочется его прерывать? Или же его волшебную, невероятную песню никто не в силах повторить.

Тогда мы с ним очень похожи.

Может быть, рассекая морские просторы, он трансформирует соленую воду во что-то иное, превращает потерпевшие крушение корабли в подводные статуи – в общем, преобразует материю вместо того, чтобы горевать о своей нелегкой судьбе. Может быть, он выпал из Магонии и поет в одиночку, потому что вся его китовая семья осталась парить в облаках.

Я поступила наоборот: взмыла в небо, бросив своих бедных родителей на земле.

Мне кажется, папа никогда по-настоящему не верил, что я умерла. Почти все детство я провела в больницах, и он всегда был рядом. Наверное, ему пришлось стать мечтателем, чтобы легче переносить вечные поездки в «Скорой» и всякие больничные ужасы.

– Как ты думаешь, каково это – кататься верхом на ките? – спросил он однажды. Мы сидели в приемном отделении, куда меня доставили из-за очередного приступа кашля, и он держал меня за руку. Я тогда еще была умирающей девочкой.

– Не знаю, – ответила я.

– Я думаю, это все равно что летать на дирижабле.

– Вовсе нет! – сказала я, поддаваясь на его уловку. – По-моему, это все равно что ехать на скоростном поезде, только под водой.

– Поезд под водой… это субмарина, что ли?

– Ага.

– А может, удерем отсюда и станем бродячими похитителями скоростных субмарин? – предложил папа.

– Но мы же утонем, – сказала я.

– Ни в коем случае! – сказал он. – Мы такое придумаем! Мы наденем водолазное снаряжение, а все морские обитатели будут страшно мне завидовать.

– Это почему?

– Потому что со мной будет Укротительница китов и королева морских глубин.

– И кто же она?

– Как кто? Моя дочка. Если, конечно, она пожелает, чтобы я ее сопровождал. У меня ведь нет опыта верховой езды.

Я закатила глаза, но, сказать по правде, я была без ума от папиных небылиц. Они с легкостью соскальзывали с его языка в любом месте и в любое время, как будто были главами одной большой книги. Неудивительно, что, когда я вернулась из Магонии, папа поверил мне с первой же минуты.

Мама, напротив, предпочитает научный подход.

Она сразу же взяла у меня кровь на анализ и вскоре обнаружила, что все прежние отклонения от нормы на месте. Под новой оболочкой скрывалась все та же девушка-ошибка.

Ее грудина по-прежнему выпирала, подобно вилочковой кости у птиц, а сердце по-прежнему было перекошено набок. Рентген показал, что Бесс Марчон имеет все признаки синдрома Азы Рэй.

Несмотря на события последнего года, мама не прекратила своих исследований.

Она пятнадцать лет разрабатывала лекарство от астмы, которое тестировала на мышах и тайком давала мне. Разумеется, это в высшей степени противозаконно. Когда она наконец рассказала мне правду, то еще долго смотрела на меня, а потом добавила: «Когда твой ребенок болен, ради его спасения ты пойдешь на что угодно, и никакие законы тебя не остановят. Я бы и не такое сделала».

Я говорила, что мама у меня рок-звезда научного мира? Упоминала, что ее команду, вероятно, ждет номинация на Нобелевскую премию? Мыши, способные задерживать дыхание, – это настоящий прорыв в медицине. Возможно, маме и ее коллегам удастся создать универсальное лекарство от астмы, которое параллельно будет защищать человека от содержащихся в воздухе токсинов, позволяя ему часами удерживать кислород в легких. Препараты, которые разрабатывает мамина команда, в основном направлены на лечение наследственных заболеваний, но могут принести пользу и здоровым людям – подготовить их иммунные системы к противодействию химическому оружию. Кто знает, что ждет нас в будущем? Не болезни, так война.

Папа с мамой почему-то всегда верили в чудеса. Я вот своими глазами видела невозможное, а они – нет. Или они что-то от меня скрывают?

Если Хейуорд и в самом деле здесь, им грозит большая опасность. Она убьет их и глазом не моргнет, если ей дадут такой приказ…

Все возможные страхи подтачивают меня изнутри. Но что же делать? Круглые сутки себя изводить?

У меня есть еще один повод для беспокойства: родители хотят, чтобы Хейуорд вернулась, я это вижу. Поэтому им лучше не знать о ее возможном визите. Магонцы отравили ей разум, настроили ее против людей. Она не желает иметь ничего общего с утопленниками, даже если эти самые утопленники – ее биологические родители.

Иногда мама подолгу стоит во дворе нашего дома и смотрит в небо. Конечно, я ее не виню. По разным не зависящим от нас причинам ни мне, ни Хейуорд так и не удалось стать для нее идеальной дочерью.

Папа тоже ждет Хейуорд, но относится ко всей ситуации куда спокойнее. Он, видите ли, нутром чует, что дочка скоро вернется домой. Как, почему – он не знает, у него просто такое чувство. В этом весь папа.

В данный момент папа балансирует на стремянке, развешивая по стенам гирлянды, которые смастерил в мою честь. Он совершенно помешался на морских узлах, но никак не научится их завязывать, а рыболовная сеть, которую он сплел из золотых нитей, имеет скорее эстетическую, нежели практическую ценность. Когда я прохожу мимо, он кидает мне на плечо игрушечный якорь.

ВСПЫШКА – и я начинаю видеть глазами Кару. Откуда-то издалека доносится непонятное жужжание, и Кару с любопытством прислушивается.

Какое-то оно знакомое, это жужжание, но сокола занимает другое: он разглядывает магонский военный корабль, плывущий вдалеке, и перекликается с привязанной к его мачте гигантской летучей мышью. Ее голос звучит странно, с надрывом, так, что хочется заткнуть уши. Может, ей страшно?

Кару стрелой летит по направлению к судну, и тут я замечаю черную точку, с быстротой молнии атакующую парус-летучую мышь. Парус вскрикивает от боли, Кару пускается в погоню…

– Аза, – говорит папа.

– А? Что?

– Ты меня слушаешь?

– Нет, – отвечаю я, но связь уже прервана. Рывком вернувшись к действительности, я снимаю «якорь» с плеча. Это шоколадка на бумажной цепочке.

– Ну ты даешь, – говорю я, стараясь вести себя как ни в чем не бывало.

– Я записался в кулинарный кружок, – говорит он. – Теперь могу готовить чудовищные угощения на дни рождения дочерей – надо же как-то применять почерпнутые знания.

Раньше папа был худшим поваром на свете, но в последний год его стряпня стала куда сноснее. А может, дело в том, что на борту «Амины Пеннарум» я питалась в основном галетами из птичьего корма.

Илай закрепляет на стене растяжку с надписью «АЗА РЭЙ. ВЕРСИЯ 2.0».

На вид мы идеальная семья.

Если забыть обо всех наших Отклонениях.

Спрятавшись вместе с Джейсоном в кухне, я пытаюсь связаться с Кару. Не отвечает. То видение не дает мне покоя…

Я подхожу к террариуму и принимаюсь наблюдать за его обитателями, которые то носятся кругами, то ныряют в воду на задержке дыхания. Все они мутанты.

Вы подопытные, думаю я. Вы результат эксперимента. Иногда у меня возникает стойкое ощущение, что я тоже результат эксперимента, что чья-то огромная рука растягивает мое сердце из стороны в сторону, чтобы проверить, насколько оно эластично.

Джейсон садится напротив с кухонной лопаточкой в руке.

– Ты будто воды в рот набрала, – комментирует он.

– Воды… в рот… – Покусывая внутреннюю сторону щеки, я молча взываю к Кару. Безуспешно.

Мой праздничный торт украшает великолепно исполненное изображение неба. Мастерства Джейсону не занимать. В самом центре сладкого небосвода плывет корабль, а рядом с ним – штормовая акула (я-то думала, Джейсон и вспоминать о них не захочет). По бокам этот шедевр кулинарного искусства расписан созвездиями.

– Знаю, у меня нет права жаловаться в свой день рождения, учитывая, что год назад тебе пришлось планировать мои похороны, – говорю я. – Но этот день вечно преподносит нам неприятные сюрпризы, а теперь вот Хейуорд… Еще Кару то и дело видит в небе какие-то странные объекты. А вдруг…

Джейсон выводит на торте шквального кита из глазури. Всего пара штрихов, а как красиво вышло! Особенно мне нравится изящный изгиб спины.

– Вечером пройдусь по кварталу, оценю обстановку.

Джейсон поднимает голову, и в его глазах сверкает незнакомый огонек.

– Никуда ты не пойдешь, – говорит он.

А потом снова наклоняется над тортом. Может, я ослышалась? Нарисовав напоследок зигзагообразную молнию – вылитый Ван Гог за работой – он наклоняется ко мне, чмокает в губы и приподнимает блюдо с тортом.

Неужели он только что поставил точку в споре поцелуем?!

Неужели он только что *велел* мне перестать разыскивать Хейуорд? Да как у него язык повернулся? Во мне вскипает гнев. Он не знает, ему не понять…

Тут в кухню вваливаются папа с дудкой-язычком, мама и сестра.

И вот мы стоим вокруг стола в темноте, и мои близкие поют «С днем рождения тебя», и горят свечи, ровно семнадцать штук, и впервые за долгие годы не нужно желать, «чтобы я не умерла».

Зажмурившись и стиснув зубы, я задуваю свечи, а когда открываю глаза, ловлю на себе взгляд Джейсона. Не могу понять, о чем он сейчас думает.

Я разрезаю торт, проводя ножом прямо по кораблю. Джейсону даю кусочек со шквальным китом, родителям вручаю облака, а штормовую акулу приберегаю для Илай. В свою тарелку я кладу кусок с изображением чистого неба, чтобы можно было представить на нем Азу Рэй Куэл и Кару, исполняющих магонские песни.

Чтобы можно было представить на нем все то, чего я лишилась.

После праздника я провожаю Джейсона до машины, и мы некоторое время молча смотрим в небо. Каждый думает о своем, а может быть, мы оба думаем об одном и том же. Моему взору открывается Магония, ведь она повсюду. Кару не видно, зато не видно и вражеских кораблей. Вон сквозь облака лениво ползет катамаран, вон плывет стадо шквальных китов – слишком далеко, чтобы услышать отсюда их песни, вон круглая желтая луна. Я готова расплакаться.

– Смотри, падающая звезда, – вдруг говорит Джейсон, показывая рукой куда-то вверх. Небо рассекает удивительно яркая дуга. Может быть, это послание от одного капитана корабля другому, а может быть – несущаяся сквозь атмосферу глыба. Много и шума и страстей, но смысла ни шиша[5].

– Что с тобой такое? Чего ты не договариваешь? – выпаливает наконец Джейсон, так выразительно изгибая левую бровь, что сразу становится ясно: отпираться не получится. Он

[5] Измененная цитата из монолога Макбета из одноименной пьесы У. Шекспира: «Жизнь – ускользающая тень, фигляр, / Который час кривляется на сцене / И навсегда смолкает; это – повесть, / Рассказанная дураком, где много / И шума и страстей, но смысла нет». Пер. М. Лозинского.

будто пробуравил взглядом дыру у меня в черепе и как раз сейчас разгуливает по тем коридорам моего сознания, куда посторонним вход воспрещен.

Ну ладно. Хочешь заглянуть мне в душу – пожалуйста. Только она сейчас не в духе.

Я спускаю ее с поводка.

– Ты специально мной помыкаешь?

– Не понял?

– Цитирую: «Никуда ты не пойдешь». Позволь объяснить: куда и когда я хожу, это мое дело. Даже если я и правда решу отправиться на поиски Хейуорд, ты меня не остановишь.

И чего я так злюсь? Временами Джейсон бывает просто невыносим, это ни для кого не новость. Временами я сама бываю просто невыносима. Но в последнее время он ведет себя как-то иначе…

Как будто он один знает, что для меня хорошо, а что плохо. Откуда такая уверенность? Я сама еще не разобралась в себе. Но чем больше он пытается за меня что-то решать, тем больше мне хочется поступать ему НАПЕРЕКОР.

– Ты не знаешь, насколько Хейуорд опасна, – говорит он.

– Да ладно? Разве не я вступила с ней в схватку на корабле в прошлом году? Наверное, это был кто-то другой. Постой, может быть, ты?

– Я успел провести с ней больше времени, – говорит он. – Она пыталась меня УБИТЬ.

Ага, и меня тоже, хочу сказать я, но мой голос чуть не превратил ее в камень. Если кто и способен дать ей отпор, так это я. Может, пойти на компромисс?

– Что помешает ей повторить попытку? Напасть на тебя, на Илай, на маму с папой. Я хочу остановить ее, потому что боюсь за вас. Или ты думал, мне просто не хватает приключений?

Джейсон смягчается.

– Пожалуйста, – говорит он, – хотя бы не ищи ее сегодня.

– И что прикажешь делать? – говорю я с досадой. – Сидеть сложа руки и ждать, пока она кого-нибудь не искалечит?

– Может, стоит о ней сообщить?

– И кому же?

– Властям. Наверняка какое-нибудь ведомство согласится нам помочь.

– КАКИЕ власти? – спрашиваю я, вытаращившись на Джейсона. – Какое ведомство? По делам Магонии, что ли? Да в правительстве и не подозревают о ее существовании! Хочешь, чтобы нас в психушку упекли, Кервин? Нас примут либо за сумасшедших, либо за шутников. Мы ведь все детство мастерили сказочных существ.

– Может быть, скоро наступит иной порядок, – говорит он. – Мир меняется, Аза Рэй, с каждым днем.

Господи, КАК меня бесит его покровительственный тон!

– Не будь таким циником, – продолжает он, касаясь ладонью моей щеки. Мне хочется откусить ему пальцы. – У тебя в голове слишком много фактов, слишком много деталей, слишком много статей из «Википедии».

Насупившись, я зову Кару, но сокол по-прежнему не откликается.

– Он, скорее всего, просто вышел за пределы твоего диапазона, – говорит Джейсон, правильно угадав, чем я только что занималась. Меня охватывает отчаяние. Джейсон берет меня за руку. – Все будет хорошо.

– Но все уже не хорошо, – говорю я и тут же мысленно содрогаюсь, на миг возвращаясь в прошлое, в салон «скорой помощи», где Илай плачет в трубку и говорит маме эти самые слова.

И снова дежавю.

С днем рождения, Аза Рэй.

Сержусь ли я на Джейсона? Не знаю. Сердится ли Джейсон на меня? Без понятия. Избегая смотреть друг на друга, мы оба глядим в небо.

– Не ходи никуда сегодня ночью, – говорит Джейсон. – Прошу тебя.

– А вдруг она здесь, на земле? Не могу же я позволить ей…

– Аза, – говорит он.

– Что?

– Пообещай, что никуда не пойдешь.

– Не надо меня контролировать! – говорю я, чуть не срываясь на крик. – Я тебе не научный проект или какая-нибудь там подопытная крыса!

Джейсон поворачивается ко мне. Вид у него измученный.

– Пожалуйста, – говорит он. – Я не хочу снова тебя потерять. Я этого не выдержу, понимаешь? Без тебя я умру.

Что же делать?

– Ладно, – говорю я после минутных раздумий.

Когда Джейсон уезжает, я достаю из кармана компас. Стрелка указывает на север, хотя машина движется на восток. Меня так и тянет ему об этом написать, но компас вдруг тоже начинает ужасно меня раздражать. Ожидая, пока свет фар утонет в ночи, я прокручиваю в голове нашу ссору. Никогда прежде мы не делали вид, что между нами все нормально, зная, что это не так.

В доме не слышно ни звука: все уже спят. Я поднимаюсь к себе.

Несколькими часами позже я лежу на кровати, свернувшись калачиком, не в силах заснуть от злости и беспокойства. На мне все еще надет летный комбинезон.

ЩЕЛК! – сердце и легкие наполняются криком Кару – я судорожно вздыхаю – в меня летят веревки – вижу существ с темными крыльями, похожих на птиц, – но это не птицы – вопли Кару – запутался.

ПОЙМАЛИ.

Кару барахтается в жесткой сети с шипами, ему очень страшно. Я в ужасе спрыгиваю с кровати, понимая, что ничем не могу ему помочь. Я заглядываю в его сознание и вижу…

НЕТ-НЕТ-НЕТ!

Передо мной Дай. Искаженное лицо, синяя кожа, новые татуировки, белые. От плеч до кончиков пальцев сверкают молнии, а между лопаток (вращая рукоять лебедки, он поворачивается к нам спиной) виднеется такелаж призрачного корабля. Дай заглядывает Кару в глаза и, могу поклясться, видит в них меня. Он знает, что поймал моего канура, знает, что захватил мое сердце.

Темнота. Снова оказаться в неволе, во мраке – это худший кошмар Кару. Похоже, его засунули в толстый мешок.

Кару кричит мне: *Где воздух сошел с ума! Где живут дикие птицы!*

Видение заканчивается. Я стою посреди темной комнаты, дрожа всем телом и тяжело дыша. По лицу текут слезы. Что имел в виду Кару?

Неспроста я страдала от zugunruhe. Пока я сидела в клетке, мир не стоял на месте. А я ведь что-то чувствовала… Магония звала меня к себе.

Нужно НЕМЕДЛЕННО отправиться на поиски Кару! Я начинаю лихорадочно рассовывать вещи по карманам комбинезона: компас, карманный ножик…

Внезапно со стороны окна доносится звук.

Я поворачиваюсь, но уже поздно: сюда проникли люди, все в черном, на лицах маски.

Похоже, Хейуорд привела ко мне отряд Дыхания.

С моих губ срывается тихий возглас, и чья-то рука тут же зажимает мне рот. Я пытаюсь кусаться, но зубы впиваются в толстую перчатку, а через пару секунд от щеки до щеки уже тянется полоска скотча.

Замахнувшись, я что есть силы наступаю на ногу тому, кто держит меня со спины. Раздается приглушенный вопль, после чего, взвалив меня на плечи, похититель выходит в коридор.

Скотч неприятно стягивает кожу вокруг рта. А что, если, сорвав его с моего лица, похитители сдерут кусок оболочки и обнажат синюю магонскую кожу? Руки связаны, тело изогнуто, как у раненой птицы. Меня выносят из дома через заднюю дверь.

Хруст снега, машина с открытой дверцей, распахнутый багажник.

Туда, в багажник, меня и кладут, больно подгибая мне колени к груди, а затем прислоняют к носу платок. Не вдыхать, не вдыхать, не вдыхать…

Но рот заклеен, и, поперхнувшись горьким запахом, я втягиваю носом воздух. Покачнувшись, я будто сдуваюсь, превращаюсь в уменьшенную копию себя, у которой нет ни голоса, ни крика, ни сознания.

Все плывет перед глазами, багажник захлопывается, кто-то заводит мотор.

Куда меня везут и почему?

Я снова во мраке, и песня тут не поможет, а спустя пару мгновений мрак поглощает весь мир, проникает в мой разум, делает меня узницей в собственном теле.

Мне семнадцать, и меня похитили.

ГЛАВА 8
{ДЖЕЙСОН}

Я уезжаю от Азы в таком же подавленном настроении, в каком пребывает она сама. Достаю из кармана вторую пару очков – обыкновенных, без диоптрий. Впрочем, не такие уж они и обыкновенные. Аза про них не знает, равно как и про мой второй телефон. В них я вижу магонские суда, шквальных китов и прочих небесных обитателей. В данный момент ничего опасного наверху *не видно*, однако мои подозрения не рассеиваются, и я отправляю еще одно сообщение. Если Хейуорд спустилась на землю, у меня не так много времени.

Водя пальцами по экрану телефона, я изучаю координаты, вылавливаю совпадения, намечаю возможные траектории движения. К тому моменту, когда я добираюсь до дома, я уже с ног валюсь от усталости, а в голове полная путаница. Меня измотала не дорога, ведь мы живем совсем недалеко друг от друга, а все события и треволнения последних двадцати четырех часов: день рождения, потом еще эта ссора. Я чувствую себя совершенно разбитым.

Мы никогда раньше не ссорились.

Неужели Аза считает, что только она может на что-то повлиять?

Что только у нее есть обязательства?

Я начинаю подниматься к себе в комнату, но останавливаюсь, чтобы поздороваться с мамами, которые сидят, поджав ноги, на диване и смотрят документальный фильм о черных дырах. Естественно.

– Презервативы, – говорит Кэрол.

– Презервативы, – говорит Ева.

Они выбрали самый неподходящий момент для разговоров о контрацепции.

– Вы не забыли, что сегодня день рождения Азы? – спрашиваю я. Они обе вздрагивают.

– Конечно, нет, – отвечает Ева.

– Прошел всего год, – говорю. – Это не так уж много.

Ева с Кэрол подходят к подножию лестницы и обращают ко мне лица, полные печали и доброты.

Не знаю, какой черт меня дернул. Они не догадываются, что Аза жива, и мне захотелось, чтобы им стало стыдно. Как бы глупо это ни прозвучало, мне захотелось, чтобы кто-нибудь меня пожалел. Мне паршиво, но Аза этого даже не замечает; с ней и поговорить-то уже нельзя.

– Мы сегодня вспоминали Азу, – говорит Кэрол.

– Как ты без спроса отправился к ней на день рождения, а мы думали, что тебя похитили, – вставляет Ева.

– Не самый благоразумный твой поступок, – говорит Кэрол. – Но и не самый безбашенный. Бесплатная демонстрация того, что ожидало нас в будущем.

– Помню, смотрела, как ты кружишь на роликах в костюме аллигатора, и думала: «У этого парнишки свои мечты, и он всегда все будет делать по-своему», – говорит Ева.

– И какие же у меня были мечты? – спрашиваю я, невольно поддаваясь любопытству.

– Тогда я решила, что ты хочешь стать олимпийским чемпионом по фигурному катанию, – отвечает она. – Но в этом все дети.

– В чем – в этом?

– Они такие непосредственные. Никогда не знаешь, к чему готовиться. Их совершенно невозможно судить по себе, у них свои собственные странности.

– Не то чтобы у тебя были странности, – говорит Кэрол с ухмылочкой.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – говорю я.

– Это точно, – смеется Ева. – В этом доме у всех свои странности и все тебя очень любят.

– И Азу мы любили, – говорит Кэрол, накрывая ладонью мою руку. – Мы сегодня подняли бокалы в память о ней.

– Если ты мечтал об Азе, это была хорошая мечта, – говорит Ева. – Поверь, малыш, ты еще найдешь любовь. В мире много любви.

К горлу подступает комок. Даже не подозревая о том, что происходит, они все равно меня понимают.

Мамы крепко обнимают меня, и на секунду мне кажется, что не существует никаких воздушных кораблей, никаких киллеров, спускающихся на землю по якорным цепям, никакой угрозы сверху, способной в одночасье разрушить мою жизнь. Есть только я и мои родители, и здесь, в гостиной нашего дома, мы находимся в полной безопасности.

До поры до времени.

Поднявшись на второй этаж, я сразу же включаю планшет и одно за другим открываю около восьми приложений.

Если бы мне пришлось наверстывать упущенные часы сна, на это ушли бы годы. В среднем я сплю где-то по три часа в сутки, чего явно недостаточно, но как еще уследить за всем, что происходит в каждом часовом поясе – и на земле, и на небе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.